

ISSN 2307-1966

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

2022

3

ТЕМА НОМЕРА

ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ СОЗНАНИЯ

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал (основан в 2003 году)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

как электронное периодическое издание

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-78954 от 07 августа 2020 г.

2022**Электронное периодическое издание****Вып. 3****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»****Редколлегия:***Д. Г. Смирнов*, д-р филос. наук*(главный редактор)**(Россия, Иваново)**М. В. Жульков*, канд. филос. наук*(ответственный секретарь)**(Россия, Иваново)**М. А. Меликян*, канд. филос. наук*(технический секретарь)**(Россия, Иваново)**Г. П. Аксенов*, канд. геогр. наук*(Россия, Москва)**П. А. Белоусов*, канд. филос. наук*(Россия, Владимир)**А. Г. Гачева*, д-р филол. наук*(Россия, Москва)**Н. Н. Лещина*, д-р культурологии*(Россия, Ярославль)**Т. Н. Соснина*, д-р филос. наук*(Россия, Самара)***Редсовет:***О. А. Базалук*, д-р филос. наук*(Украина, Киев)**А. В. Брагин*, д-р филос. наук*(Россия, Иваново)**О. А. Габриелян*, д-р филос. наук*(Россия, Симферополь)**В. А. Грачев*, д-р техн. наук*(Россия, Москва)**Т. С. Злотникова*, д-р искусствоведения*(Россия, Ярославль)**Н. Н. Кожевников*, д-р филос. наук*(Россия, Якутск)**Сильвия Минева*, д-р филос. наук*(Болгария, София)**В. В. Мантатов*, д-р филос. наук*(Россия, Улан-Удэ)**Зоран Милошевич*, д-р полит. наук*(Сербия, Белград)**С. В. Орлов*, д-р филос. наук*(Россия, Санкт-Петербург)**Г. С. Смирнов*, д-р филос. наук*(Россия, Иваново)**В. С. Фунтусов*, канд. филос. наук*(Россия, Владивосток)***Адрес редакции:**

153025 Иваново,

ул. Тимирязева, 5, к. 209

Тел. (4932) 30-02-16

E-mail: posnoos@ivanovo.ac.ru

Электронная копия выпуска доступна

на сайтах: <http://glonoos.com>www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru<https://cyberleninka.ru>**СОДЕРЖАНИЕ****РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА**

Живой народный музей «Герои Ивановского края» 3

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ*Петряков Л. Д.* Философия языка, философия науки и язык философии ..... 5**ФИЛОСОФИЯ НООСФЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ***Палей Е. В.* Гуманитарные ценности в «жизненном мире» современного технического образования ..... 12*Суворова Г. М.* Экология образования: философская перспектива коэволюционной концепции ..... 20**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КИБЕРСОЗНАНИЯ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ***Зайцева С. А., Смирнов В. А.* Цифровой суверенитет как гарант сохранения исторической памяти ..... 27*Огурцова Е. Ю., Фадеев Р. Н.* Философско-методологический анализ основ интеллектуальной робототехники ..... 36**ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ: ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ***Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Альтерноосферная тема в позднем наследии Рене Генона: антитрадиционная цивилизация vs подлинная цивилизация ..... 47**ПЕРЕВОДЫ***Трабант Ю.* Язык и революция (*Перевод А. Н. Портнова*) ..... 54**NOUS: ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ***Брагин А. В.* Динамика взаимосвязи первичных и вторичных кодов (фреймов) в формировании и функционировании сознания ..... 66*Кондорский Б. М.* Влияние специфики исторического развития на современные социально-политические процессы ..... 73**Информация для авторов** 88

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редколлегии и редсовета. Перепечатка без разрешения редакции журнала «Ноосферные исследования» не допускается

NOOSPHERIC STUDIES

Russian scientific journal (founded in 2003)

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
as an electronic periodical edition

Registration certificate Эл № ФС77-78954 of August 07, 2020

2022**Electronic periodical edition****Vol. 3****Founder Ivanovo State University****Editorial Board:****D. G. Smirnov**, Dr. of Sc. (Philosophy)*(Chief Editor)*

(Russia, Ivanovo)

M. V. Zhulkov, Cand. of Sc. (Philosophy)*(executive secretary)*

(Russia, Ivanovo)

M. A. Melikyan, Cand. of Sc. (Philosophy)*(technical secretary)*

(Russia, Ivanovo)

G. P. Aksenov, Cand. of Sc. (Geography)

(Russia, Moscow)

P. A. Belousov, Cand. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Vladimir)

A. G. Gacheva, Dr. of Sc. (Philology)

(Russia, Moscow)

N. N. Letina, Dr. of Sc. (Culturology)

(Russia, Yaroslavl)

T. N. Sosnina, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Samara)

Editorial Council:**O. A. Bazaluk**, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Ukraine, Kiev)

A. V. Bragin, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Ivanovo)

O. A. Gabrielyan, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Simferopol)

V. A. Grachev, Dr. of Sc. (Technology)

(Russia, Moscow)

T. S. Zlotnikova, Dr. of Sc. (Art history)

(Russia, Yaroslavl)

N. N. Kozhevnikov, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Yakutsk)

Sylvia Mineva, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Bulgaria, Sofia)

V. V. Mantatov, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Ulan-Ude)

Zoran Milosevic, Dr. of Sc. (Politics)

(Serbia, Belgrade)

S. V. Orlov, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Saint-Petersburg)

G. S. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Ivanovo)

V. S. Funtusov, Cand. of Sc. (Philosophy)

(Russia, Vladivostok)

Editorial address:

153025 Ivanovo,

Timiryazev str., 5, of. 209

Phone. (4932) 30-02-16

E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of articles posted on sites:

<http://glonoos.com>www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru<https://cyberleninka.ru>**CONTENT****EDITORIAL COLUMN**

Live folk museum "Heroes of the Ivanovo region" 3

QUESTIONS OF THEORY AND METHODOLOGY**Petryakov L. D.** Philosophy of language, philosophy of science and the language of philosophy ..... 5**PHILOSOPHY OF NOOSPHERIC EDUCATION****Paley E. V.** Humanitarian values in the «live world» the modern technical education ..... 12**Suvorova G. M.** Ecology of education: philosophical perspective of the coevolutionary concept ..... 20**PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF CYBER CONSCIOUSNESS AND CYBERSECURITY****Zaitseva S. A., Smirnov V. A.** Digital sovereignty as a guarantor of the preservation of historical memory ..... 27**Ogurtsova E. Yu., Fadeev R. N.** Philosophical and methodological analysis of the fundamentals of intelligent robotics ..... 36**PHILOSOPHICAL ESSAY: PLAIN TEXT****Okeanskiy V. P., Okeanskaya Zh. L.** Alternospheic theme in the late heritage of René Guénon: anti-traditional civilization vs true civilization ..... 47**TRANSLATIONS****Trabant J.** Language and revolution (*translation by A. N. Portnov*) ... 54**NOUS: JOURNAL IN JOURNAL****Bragin A. V.** Dynamics of interrelation of primary and secondary codes (frames) in the formation and functioning of consciousness ..... 66**Kondorsky B. M.** Impact of the historical development specificity on the modern socio-political processes ..... 73**Information for the authors** 88

The author's point of view may not coincide with the opinion of the editorial board and editorial council.

Any reprints without editorial office permission are not allowed

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ЖИВОЙ НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ «ГЕРОИ ИВАНОВСКОГО КРАЯ»

В России не так много социально-антропологических музеев. Считается, что для того, чтобы рассказать об объективной и субъективной истории страны, достаточно краеведческих и исторических музеев. Однако именно люди с их пассионарностью в обычной и экстремальной жизни — главные персонажи трудной и героической русской, советской и российской истории. Очевидно, по этой причине спонтанно возникло движение «Бессмертный полк» — однодневный музей «живых павших».

Мы один народ, идущий из глубины веков и тысячелетий, об этом в свое время напоминал Илья Глазунов масштабным художественным полотном «Вечная Россия». Народ достоин, чтобы память о людях, отдавших свою жизнь за Родину, вернулась, чтобы они шли в одном стою вместе с живущими, чтобы «наши павшие — как часовые» охраняли великую отечественную историю.

История — это и есть, прежде всего, история людей, совершавших и совершающих боевые и трудовые подвиги. Без их труда и разума не было бы развития, не было бы движения вперед. В. И. Вернадский говорил о том, что каждый этнос обладает культурной биогеохимической энергией, эта энергия и преобразует родной край и вселенский мир, эта сила духа позволяет преодолевать самые большие трудности.

Последние битвы на территории Ивановского края происходили более четырехсот лет назад — в 1609 году храбрые дружины из Кинешмы бились с отрядами польских ляхов. С той поры возглавляет наш ивановский бессмертный полк князь Дмитрий Пожарский, имя которого располагалось в ныне Южском районе на территории нашего края. С него начиналось освобождение страны от Смуты и распада...

Пришло время, когда история страны может рассматриваться как единое и неразрывное целое, не только как деяния выдающихся людей (государственных деятелей и великих полководцев, святых и праведников), но и как деятельность народа, воинский и трудовой подвиг отдельных людей.

Сейчас становится очевидным, что Музей героических людей нужен каждому субъекту Российской Федерации. Так, совсем недавно город Иваново стал городом трудовой доблести. В центре его на фронтоне знаменитого здания ивановского конструктивизма, которое получило неформальное название «пуля», можно прочитать: «70 тыс. ивановцев добровольно ушли на фронт», «ивановцы дали фронту 3 млрд метров тканей», «одежи 12 млн бойцов», «39 тыс. ивановцев награждены орденами и медалями», «на фронт отправлено 125 000 кг донорской крови».

Не означает ли это, что пора создавать в этом здании живой народный Музей памяти героев Ивановской области? Он мог бы стать для молодежи (и не только) еще одним ивановским (неформальным) университетом — университетом жизни. В этом смысле живой народный музей представляет из себя не что иное, как откристаллизовавшийся коллективный разум, который разговаривает со своими посетителями-наблюдателями на разных языках сознания — не только художественном, мифологическом, религиозном, философском, научном, но и на трудовом, интеллектуальном... В этом контексте он представляет собой источник разворачивания региональной «лингвистической» революции (подобной глобальной лингвистической революции, о которой повествуется в этом номере журнала в статье немецкого лингвиста и семиотика Юргена Трабанта в переводе профессора Александра Николаевича Портнова), задающей координаты новой ивановской, возможно ноосферной, идентичности.

Г. С. Смирнов

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Научная статья

УДК 167/168

DOI: 10.46724/NOOS.2022.3.5-11

Л. Д. Петряков

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА, ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Статья посвящена неадекватности современным реалиям двух основных подходов к формированию философских понятий. Зафиксировано, что классическое понятие о предмете в философии подчиняется принципу автореференции, т. е. самообъяснения, самопрезентации. Показано, что целью такого подхода является выделение существенных черт или элементов предмета, «распаковка», что приводит к противоречию между тезисом Лейбница о доказуемости всякой истины и метатеоремами Гёделя о семантической неполноте любой богатой непротиворечивой теории. Обосновано, что в классических философских текстах парадоксы, суггестивные приемы авторов и т.п. направлены не на доказательство, а на убеждение читателя в истинности доказательства. Альтернативой представлена традиция философии диалога, в которой понятие формируется авторефлексией автора, «распаковкой» субъекта, проблема познания мира сводится к проблеме коммуникации с ним. Новый подход автора состоит в рассмотрении объекта и субъекта познания в качестве сетевых структур, способных взаимодействовать между собой. Сделан вывод, что результатом их взаимодействия выступает синтез «конструктивного объекта» и идентифицирующего его понятия, дополняющих существующую реальность не сводимой к схеме классификации или коммуникативной функции. Вывод о перспективности такого подхода к формированию философских понятий подкреплен результатами исследований современного искусства.

Ключевые слова: парадокс, суггестия, философское понятие, полнота, непротиворечивость, философия науки

Ссылка для цитирования: Петряков Л. Д. Философия языка, философия науки и язык философии // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 5—11.

Original article

L. D. Petryakov

PHILOSOPHY OF LANGUAGE, PHILOSOPHY OF SCIENCE AND THE LANGUAGE OF PHILOSOPHY

Abstract. The article is devoted to the inadequacy of two main approaches to the formation of philosophical concepts to modern realities. It is fixed that the classical concept of an object in philosophy obeys the principle of autoreference, i. e. self-explanation, self-presentation. It is shown that the purpose of this approach is to highlight the essential features or elements of the subject, "unpacking", which leads to a contradiction between Leibniz's thesis on the provability of any truth and Gödel's metatheorems on the semantic incompleteness of any rich consistent theory. It is substantiated that in classical philosophical texts, paradoxes,

---

© Петряков Л. Д., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 5—11 •

suggestive methods, etc. are not aimed at proof, but at persuading the reader of the truth of the proof. An alternative is the tradition of the philosophy of dialogue, in which the concept is formed by the author's autoreflexion, the "unpacking" of the subject, the problem of knowing the world is reduced to the problem of communication with it. The author's new approach consists in considering the object and subject of cognition as network structures capable of interacting with each other. It is concluded that the result of their interaction is the synthesis of a "constructive object" and a concept that identifies it, complementing the existing reality, which is not reducible to a scheme, classification or communicative function. The conclusion about the prospects of such an approach to the formation of philosophical concepts is supported by the results of studies of contemporary art.

Keywords: paradox, suggestion, philosophical concept, completeness, consistency, philosophy of science

Citation Link: Petryakov, L. D. (2022) *Filosofiya yazyka, filosofiya nauki i yazyk filosofii* [Philosophy of language, philosophy of science and language of philosophy], *Noosfermyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 5—11.

Был ли А. Н. Портнов философом-позитивистом (постпозитивистом)? Или это была «свободная территория» для занятий творчеством и даже для международного общения? Так или иначе, философию языка Александр Николаевич считал одним из языков философии, Языком, говорящим не только о языке, но об истине и заблуждении, содержащихся в философском и всяком ином знании.

В этой статье мы хотим рассмотреть такие признаки классических философских понятий, как негативная автореференция, неполнота теории, замкнутость и противоречивость. Отрицательный компонент в понятии может быть источником саморазвития метода, а неполнота теории предполагать ее открытость. Известно, что каждое понятие содержит компонент обобщения и абстрагирования. Есть тот признак, который абстрагируют и те, от которых абстрагируются. А что, к примеру, абстрагирует «вещь сама по себе» и от чего она абстрагируется? После абстрагирования делается обобщение, т. е. понятие распространяется на более обширный класс предметов. Тем самым конструктивный элемент понятия начинает определять наше представление о предметной области. Требование к классическому философскому понятию — самовоспроизводство, генерация других понятий, саморазвитие [Фихте, 1993: 167]. Понятие предполагает сопротивление философского материала. Часть этого сопротивления преодолевается усилием философа, ассимилируется понятием, а другая часть становится опорой/препятствием на дальнейшем пути. Это и есть негативная часть понятия.

С одной стороны, исходя из ее наличия, невозможности найти решение (к примеру, априорной истинности геометрии, первичности понятий пространства и времени) мы строим метод, объясняющий это противоречие и позволяющий познавать другие вещи, как бы обходя препятствие. С другой, и сам этот метод ограничивает нас в выборе средств познания, задает «рамки», «шоры» для философского взгляда. Такое положение характерно не только для «агностицизма» И. Канта, но и для любой науки.

Как же негативизм понятия сделать из препятствия опорой? Очевидно, «негативный», как правило, — формальное свойство, обратная сторона позитивного, форма отсутствия и незнания, происходящая из предшествующих «шор». Один из путей — доверие своей мысли. К примеру, «Платон покинул чувственно воспринимаемый мир, потому что этот мир ставит узкие рамки рассудку, и

отважился пуститься за пределы его на крыльях идей в пустое пространство чистого рассудка. Он не заметил, что своими усилиями он не пролагал дороги, так как не встречал никакого сопротивления, которое служило бы как бы опорой для приложения его сил, дабы сдвинуть рассудок с места» [Кант 1964: 110]. Классические философские понятия являются автореферентными, несущими конструктивную идею в мир, как бы «вразумляя» его. Примером этого могут быть классификации и схемы. Но второе, не менее важное требование к философскому и научному понятию – объективность, что выражается в анализе эмпирических данных, рефлексии над фактами и авторефлексии.

Как совместимы эти требования: априоризм и эмпиризм в философской теории? У Гегеля «само понятие должно показать себя содержащим в себе источник его происхождения» [Гегель, 1970: 42]. А «стремление к тотальности в гегелевской системе исходит из ее откровенности по отношению к своей неполноте» [Азарова, 2015: 95]. То есть Гегель считает, что открыл объективную логику мироздания, существующую наряду с субъективной логикой И. Канта и формальной логикой Аристотеля. Отсюда мышление и бытие, априоризм и эмпиризм у него совпадают таким способом: «слова, объясняющие историю, сами принадлежат этой истории», «прямоугольность, остроугольность... по каковым определениям делят треугольники, не заключаются в определенности самого треугольника...». Но Гегель хочет, чтобы они (разновидности треугольников) были даны в определении общего понятия.

Априорными считаются суждения, истинные только на основании своего смысла и независимо от факта, а синтетическими (эмпирическими) — суждения, истинные на основании своего смысла и знания определенных фактов. Если Гегель считал свою теорию априорно истинной, логично его заключение «если факты против нас, то тем хуже для фактов». При этом он понимает, что опытное, апостериорное знание может быть или не быть истинным, его истинность относительна. Знание, основанное на фактах, требует предварительной формулировки требований, которым должен отвечать «наш» факт, и предположения о том, какую критику, интерпретацию он встретит. Так забота о доказательстве факта становится заботой об убедительности этого доказательства. К примеру, формулируя принцип тотализации, Гегель вводит такие правила и стандарты, что система обретает смысл не только для себя, но и для будущей критики [Азарова, 2015: 91]. Ж. Деррида показал, что изучение перформативных речевых актов позволяет опровергнуть тезис Гегеля, что дискурс Духа может быть дискурсом-о-самом-себе, т. е. дискурсом, который объясняет сам себя, поскольку акт авторефлексии отличен от акта самополагания [Деррида, 200: 412]. Идея не может интерпретировать саму себя. Человек, познающий мир, не тождественен ни себе, ни миру, он не есть тотальный субъект классической философии, занятый «вразумлением» и упорядочением этого мира.

Ранее Лейбниц писал: «всякое истинное предложение может быть доказано, потому, что предикат находится в субъекте, как говорит Аристотель, т. е. понятие предиката включается в совершенно осмысленное понятие субъекта, и всегда есть возможность доказать его истинность разложением терминов на их значения, т. е. на термины, которые они содержат» [Лейбниц, 1983: 604—605]. Соответственно, это относится только к априорным суждениям. Эмпирические, случайные суждения (о фактах) таким способом недоказуемы. И существует логическое противоречие между тезисом Лейбница о доказуемости всякой истины и метатеоремами

Гёделя о семантической неполноте формальной арифметики в случае ее непротиворечивости. В ней исследуемое противоречие разрешается путем точного формального определения сфер априорного и эмпирического знания.

Следовательно, гегелевский автореферентный проект был ошибочным, поскольку «хотеть что-то невозможное неразумно, и «мы не хотим» утверждать, что каждая согласованная дисциплина должна *ipso facto* содержать среди установленных ею положений все истинные высказывания и только такие высказывания» [Лобовиков, 2015]. Б. Рассел стремился преодолеть парадоксальность релятивизма установлением запрета на автореферентность (теория типов). Он исходил из анализа парадоксов типа Лжец [Рассел, 1999].

А более простое решение проблемы автореферентности предложил Л. Витгенштейн. Параграф 3.332 «Логико-философского трактата» гласит: «Ни одно предложение не может высказывать нечто о себе самом, ибо знак-предложение не может содержаться в себе самом (это вся ‘теория типов’)» [Витгенштейн, 1994: 16]. Что означает, что функция не может быть своим собственным аргументом, поскольку знак функции не означает ничего (буква бессмысленна), тогда как слово «критянин», или «лжец», может быть интерпретировано автореферентным образом. Слову (знаку) может быть приписан смысл в отрыве от высказывания, с чем мы и имеем дело в априорном аналитическом суждении. Тогда как в эмпирическом высказывании смыслом обладает только целое предложение, а не сумма смыслов отдельных слов. В последнем случае мог бы возникнуть абсурдный текст (без смысла), как в автоматическом переводе отдельных слов чужого языка.

Объяснением и «просвещением» философских теорий и понятий стала философия языка, науки, изначально принявшая форму позитивизма, стремящегося преодолеть негативизм в метафизике. Если философы хотят объяснить мир, то философы языка делают результаты работы первых ясными и достоверными. В частности, не всякое негативное автореферентное высказывание является формально-логическим противоречием. К примеру, негативное свойство — «быть классом, не включающим себя самого», «все они лгут», «ни одно суждение не является истинным». Или негативное свойство теории «не быть фундаментальной?» Автореферентное высказывание типа «я говорю стихами», «я себя люблю» может содержать свою характеристику, самооценку, но при этом его можно оценивать в контексте как истинное или ложное.

Можно сравнить действие парадоксов в языке и логике с аттракторами (Лоренца) в физике [Кузнецов, Купцов, 2018], порождающими «хаос», т. е. повторение одних и тех же отрицающих друг друга высказываний в какой-либо последовательности. Хаос, что важно, не достигает цели, не позволяет делать однозначный вывод. Это аналогично следствиям из парадоксального суждения. Но человеческая деятельность целесообразна именно как человеческая активность, а не (бесцельный) природный процесс. Отрицательные величины в парадоксе порождают другие отрицательные величины, как и в аттракторе: непериодичность порождает непредсказуемость, нелинейность. Но исследование аттракторов в физике представляет конкретную, узкоспециализированную область, никак не «угрожая» существующим методам и фундаментальным теориям. Следовательно, парадоксы могут выступать генераторами хаоса. Если хаос первичен, то порядок — это последовательный участок хаоса, достигающий определенной цели. И только упорядоченная мысль может делать вывод, иметь определенный смысл.

Хотя «в системе логико-математического знания действительно есть априорные фрагменты (подсистемы), например, математическая логика высказываний, но есть и такие фрагменты (подсистемы), которые в целом представляют собой знание апостериорное, например, арифметика. Существует логический квадрат и гексагон, представляющий собой непротиворечивый синтез априоризма и эмпиризма в одной концептуальной схеме эпистемологии» [Лобовиков, 2014]. В результате «в нашем распоряжении остается только эмпирический метод и, соответственно, «ad hoc решение», т. е. конкретное решение, применяемое для конкретного случая. Мы работаем в семантически замкнутом языке без каких-либо сбоев до того момента, пока в опыте не столкнемся с ситуацией парадокса» [Ладов, 2017: 116].

Другой стратегией формирования философских понятий является традиция авторефлексии, т. е. философии Диалога, представленной в трудах М. Бубера, М. М. Бахтина, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского и ряда других авторов. Она, ставя задачу «понимания Другого», предполагает раздвоение себя, самонаблюдения себя в мире, принятие мира в себя, открытия Другого в себе и себя — в Другом. «Я-Ты» и «Я-оно» — ключевые понятия философии М. Бубера. «Я думаю, что историю философии можно редуцировать к поискам онтологической антитезы мышлению. Душа и ум, ум и материя, психическое и физическое... В моей — также дуалистической — концепции мышления, мышление, которое *случается*, то есть является синхронным другому мышлению, никак не противопоставлено *не-мышлению*» [Пятигорский, 2010: 6]. Авторефлексивные функции не есть самопрезентация, самообъяснение мудрости, а выбор личной позиции (точки зрения), трансценденция вне себя, переключение общественного внимания на более важный предмет, трансформация состояния сознания, эмоции — в поступок, делая невозможное ранее возможным и необходимым. «Быть или не быть», «Идет дождь, но я так не считаю», «Я боюсь, что ни с одним моим утверждением никто не согласится» — характерные для авторефлексии фигуры «иллокутивного самоубийства». Ради утверждения большего, чем «я сам». Но сводимо ли познание человека и мира к успешной/неуспешной коммуникации с Другими?

Общим для подходов автореференции и авторефлексии является анализ — разложение предмета в первом случае и субъекта — во втором на аспекты, «распаковка» объекта реальности на простые функции или элементы. А отличающим их — метафорическое противопоставление позиций экстраверта и интроверта.

Возможен ли иной путь — синтеза как предмета, так и субъекта познания? К примеру, в сравнении современного, последних 60 лет и постсовременного, последних 6 лет искусства замечено, что автореферентный анализ сменился анализом отношений между объектами искусства и объектами мира. «Искусство больше не занимается предложениями по пересборке мира — вместо этого каждая отдельная работа сама по себе является отражением такой пересборки. Всегда уже включенность объектов искусства в сеть и обладание новым Возвышенным лишает искусство необходимости заниматься автореферентным анализом» [Серкова, 2021]. Новым Возвышенным становится идея сети, «склеивая разрозненные, на первый взгляд, подходы и обеспечивая искусству ту спекулятивную силу, которой оно обладало с момента своего появления... в период Возрождения. Каждая отдельная работа становится своеобразным пикселем, монадой мира, отображающей его часть и вместе с этим содержащей в себе всю его логическую структуру» [там же].

Субъект и объект в этой новой парадигме синтеза не должны быть вне или внутри себя, они должны быть «здесь и сейчас», являться частью реальности, дополняя ее собой, подобно пазлу в картине. Идентичный себе объект, выраженный в понятии, может вызывать хаос интерпретаций, не являясь при этом частью этого хаоса, аналогично объекту-аттрактору, вызывающему хаос, но описываемому строгой системой уравнений. Поскольку аттракторы, триггеры, как и герои — трикстеры, являются закономерной частью нашей реальности, выступая порой «последней каплей...», «соломинкой, ломающей спину верблюда», сетевой субъект и сетевой объект существуют в коммуникативной сфере на правах коммуникантов. Они могут незаметно проходить друг сквозь друга, а могут собраться в единое целое. Необходимым методом становится различие «конструктивного объекта» и материального, выступающего только материалом, набором сигналов, не имеющих самостоятельного смысла по отдельности. Из них происходит конструирование настоящего объекта субъектом. Последний сам может являться чьей-то конструкцией.

Библиографический список / References

- Азарова Ю. О. Гегель и Деррида: философия, язык, рефлексия // *Философский журнал*. 2015. Т. 8, № 2. С. 82—111.
(Azarova Yu. O. Hegel and Derrida: philosophy, language, reflection, *Philosophical Journal*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 82—111. — In Russ.)
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. *Философские работы*. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 5—73.
(Wittgenstein L. *Logical and philosophical treatise*, in Wittgenstein L. *Philosophical works*, Moscow, 1994, vol. 1, pp. 5—73. — In Russ.)
- Гегель Г. Наука логики: в 3 т. Т. 1 / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М.: Мысль, 1970. 502 с.
(Hegel G. *The science of logic*: in 3 vols, Moscow, 1970, vol. 1, 502 p. — In Russ.)
- Деррида Ж. От экономики ограниченной к экономике всеобщей: Гегельянство без утайки // Деррида Ж. *Письмо и различие*. М.: Академический проект, 2000. С. 400—445.
(Derrida J. From limited economy to universal economy: Hegelianism without concealment, in Derrida J. *Letter and distinction*, Moscow, 2000, pp. 400—445. — In Russ.)
- Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3: Критика чистого разума. М.: Мысль, 1964. 799 с.
(Kant I. *Works in 6 vols*, vol. 3: *Critique of pure reason*, Moscow, 1964, 799 p — In Russ.)
- Кузнецов С. П., Купцов П. В. Аттрактор Лоренца в системе с запаздыванием: пример псевдогиперболического хаоса // *Известия Саратовского университета. Новая серия*. Серия: Физика. 2018. Т. 18, вып. 5. С. 162—176.
(Kuznetsov S. P., Kuptsov P. V. The Lorentz attractor in a system with a delay: an example of pseudo-hyperbolic chaos, *Proceedings of the Saratov University, New series, Physics series*, 2018, vol. 18, iss. 5, pp. 162—176. — In Russ.)
- Ладов В. А. Решение логических парадоксов в семантически замкнутом языке // *Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 52, № 2. С. 104—119.
(Ladov V. A. The solution of logical paradoxes in a semantically closed language, *Epistemology and Philosophy of Science*, 2017, vol. 52, no. 2, pp. 104—119. — In Russ.)
- Лейбниц Г. В. Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин // Лейбниц Г. В. *Соч.: в 4 т. М.*, 1984. Т. 3. С. 572—616.
(Leibniz G. V. *General studies concerning the analysis of concepts and truths*, in Leibniz G. V. *Essays in 4 vols*, Moscow, 1984, vol. 3, pp. 572—616. — In Russ.)

- Лобовиков В. О. Логический квадрат и гексагон метатеоретических высказываний (Стратегический ресурс архаических принципов мысли) // Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и инноваций: Четвертый Сибирский философский семинар, Омск, 15—17 октября 2014 года. Омск: ИП Шелудивченко А. В., 2014. С. 200—203.
- (Lobovikov V. O. Logical square and hexagon of metatheoretical statements (Strategic resource of archaic principles of thought), in Razumov V. I. (ed.) *Modern philosophy in Russia: interdisciplinary research in the context of traditions and innovations*, Omsk, 2014, pp. 200—203. — In Russ.)
- Лобовиков В. О. Историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности и доказуемости: Г. В. Лейбниц; А. Тарский; К. Гёдель // Дискурс-Пи. № 3-4. 2015. С. 64—71.
- (Lobovikov V. O. Historical, philosophical and logical aspects of the problem of the relationship between truth and provability: G. V. Leibniz; A. Tarsky; K. Goedel, *Discourse-Pi*, 2015, no. 3-4, pp. 64—71 — In Russ.)
- Пятигорский А. М. О внешнем наблюдателе: предел разговора, авторефлексия, переход к внешнему наблюдателю // Неприкосновенный запас. 2010. № 1 (69). С. 4—6.
- (Pyatigorsky A. M. About an external observer: the limit of conversation, self-reflection, transition to an external observer, *Inviolable reserve*, 2010, no. 1 (69), pp. 4—6. — In Russ.)
- Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999. 192 с.
- (Russell B. *Philosophy of Logical Atomism*, Tomsk, 1999, 192 p. — In Russ.)
- Серкова Н. Пост-современное искусство: искусство сети, капитала и спекулятивного будущего // Художественный журнал. 2021. № 119. URL: https://syg.ma/@natalya_serkova/post-sovriemiennoie-iskusstvo-iskusstvo-sieti-kapitala-i-spiekuliativnogho-budushchiegho
- (Serkova N. Post-modern art: the art of the network, capital and speculative future, *Art Magazine*, 2021, no. 119. — In Russ.)
- Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1. С. 65—338.
- (Fichte I. G. The basis of general science, in Fichte I. G. *Works in 2 vols*, St. Petersburg, 1993, vol. 1, pp. 65—338. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Петряков Леонид Джоржович — доктор философских наук профессор, Ярославское высшее военное училище ПВО МО, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru

Petryakov Leonid Dzhorzovich — Doctor of Philosophy, Professor, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense of the Ministry of Defense, Yaroslavl, Russian Federation, tkstudia@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ НООСФЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 37.013.73

DOI: 10.46724/NOOS.2022.3.12-19

Е. В. Палей

ГУМАНИТАРНЫЕ ЦЕННОСТИ В «ЖИЗНЕННОМ МИРЕ» СОВРЕМЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье автор обращается к анализу аксиопространства современного технического университета с позиции выявления границ и возможностей его гуманитаризации. Прибегая к аналогии с «жизненным миром» как миром повседневности А. Шютца (и его оценкой в работах А. Н. Портнова), автор рассматривает привычные модели присутствия гуманитарных компонентов в практике обучения. Подчеркивается однобокость восприятия смыслообразующих элементов гуманитарного знания студентами технических направлений, делается попытка выявить обуславливающие такое восприятие факторы. Особое внимание уделяется проблемам включения философской составляющей в профессиональное сознание, превалированию культурно-воспитательного аспекта над эпистемологическим и методологическим. Перспективы формирования гуманитарного аксиопространства в рамках технического образования связываются с необходимостью поиска общих областей значений и конструирования перспективных моделей взаимодействия в условиях растущей социальной неопределенности и конвергенции гуманитарного, естественнонаучного и технического в современном сознании.

Ключевые слова: феноменологическая социология, аксиопространство технического образования, жизненный мир, повседневность, профессиональное сознание, восприятие гуманитарных ценностей

Ссылка для цитирования: Палей Е. В. Гуманитарные ценности в «жизненном мире» современного технического образования // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 12—19.

Original article

E. V. Paley

HUMANITARIAN VALUES IN THE «LIVE WORLD» THE MODERN TECHNICAL EDUCATION

Abstract. The article focuses on the analysis of the axiospace of a modern technical university from the standpoint of identifying the boundaries and possibilities of its humanization. Using the analogy with the "life world" as the world of everyday life proposed by A. Schutz (and its assessment in the works of A. N. Portnov), the author examines the usual models of the presence of humanitarian components in the practice of teaching. It is argued that the students

obtaining academic degrees in technology often perceive humanitarian knowledge unilaterally. The study attempts to identify the factors that determine such perception. The special emphasis is put on the problems of implementing the philosophical component in professional consciousness, the prevalence of the cultural and educational aspect over the epistemological and methodological ones. It is concluded that the prospects for the formation of a humanitarian axiospace within the framework of technical education can be associated with the need to search for common areas of meaning; at the same time, one needs to construct promising models of interaction determined by growing social uncertainty and the convergence of the humanities, natural sciences and technology in modern consciousness.

Keywords: phenomenological sociology, axiospace of technical education, live world, everyday life, professional consciousness, perception of humanitarian values

Citation Link: Paley E. V. (2022) Gumanitarnyye tsennosti v «zhiznennom mire» so-vremennogo tekhnicheskogo obrazovaniya [Humanitarian values in the «live world» the modern technical education], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 12—19.

К постановке проблемы. Философия — знание чрезвычайно персонализированное, любые строгие логические конструкции философских теорий отмечены присутствием их авторов, выраженном в стиле размышлений, постановке смысловых акцентов и интерпретациях предшественников. Именно поэтому философские труды дают уникальную возможность «увидеть» диалог личностей, живое пересечение мнений и сформулировать новый взгляд на проблему. Обращаясь к трактовкам идей классика социологии А. Шютца в работах А. Н. Портнова, мы пришли к выводу о возможности приложения феноменологического подхода к аксиопространству современного технического образования. Данная попытка имеет целью описать состояние образовательного пространства как среды, сочетающей в себе разные мировоззренческие и методологические направленности, но в силу своей специфики требующей их интеграции и способной сформировать некие единые ценностные императивы. В достижении данной цели работы А. Н. Портнова представляются значимыми в силу присутствия в них глубокого понимания человека и сложностей его существования, бережного отношения к идеям переводимых и исследуемых им авторов, внимания к актуальным проблемам современности. Описание образовательного пространства как «жизненного мира» позволяет приблизиться к феноменологическому измерению современного образования, к экзистенциальному состоянию субъектов образования, часто теряющемуся за информационно-технологическими и научно-познавательными аспектами. Вместе с тем именно в этом пространстве происходит множество значимых трансформаций, формирующих *образованную* личность, обладающую гармоничной системой индивидуальных и профессиональных приоритетов. На экзистенциальном уровне обучающийся пересекает пределы незнания, преодолевает недостатки своих мировоззренческих установок или навсегда остается в рамках комфортной «пещеры», не сумев найти свое «я» и обрести свободу познания. М. Н. Кожевникова отмечает, что вопрос о возможности и необходимости применения феноменологического метода в исследованиях за рамками собственно феноменологии, в особенности относительно образования человека, нуждается в пояснениях, но остается актуальным [Кожевникова, 2022: 59]. Его применимость указанный

автор объясняет необходимостью понимания объяснительных схем, составляющих конструкт Образование, обращение к очевидному опыту и миру «собственного понимания», обнаружению неизвестного в известном [там же: 61—62]. Экзистенциальные и феноменологические аспекты образовательной деятельности трудно измеряемы, но обращение к ним в рамках представления о «жизненном мире» способно наделить философию образования необходимыми индивидуальными измерениями.

«Жизненный мир» и привычный опыт восприятия гуманитарных ценностей субъектами образования. В своей статье об А. Щютце А. Н. Портнов подчеркивает, что понятие «жизненного мира» упрощено, не до конца понято многими исследователями и обладает гораздо большим методологическим потенциалом [Портнов, 2007: 45, 50]. Закономерно вытекая из гуссерлевской «естественной установки», оно подразумевает совокупность объектов природы и культуры, — «совокупность конечных областей значений со своими формами знаний и общения», представляющих повседневный мир [там же: 45, 47]. Сознание человека всегда обусловлено его повседневным опытом, всегда опирается на нечто само собой разумеющееся. Жизненный мир — это универсум смысловых взаимосвязей, выстроенных вокруг собственного Я, соотносимый с актуальной ситуацией, прагматическими интересами и упорядоченный на области разной релевантности соответственно состоянию интересов [Щютц, 2004: 195]. При этом в жизненном мире присутствует интересубъективность: «я полагаю, что все, имеющее смысл для меня, наделено смыслом и для Других, с которыми я разделяю этот мой жизненный мир как современник» [там же: 196]. В трудах А. Щютца, посвященных исследованию повседневности, особо подчеркивается влияние устойчивых компонентов опыта на систему восприятия окружающей социальной действительности, на особенности поведения и организацию жизнедеятельности.

Насколько гармонично встроено в «жизненный мир» технического образования гуманитарное знание? Какие значения приписываются ему в повседневном опыте субъектов образования? Насколько эти закрепившиеся значения соответствуют содержанию и роли гуманитарных ценностей в науке и профессиональной деятельности?

Профессиональное сознание технического специалиста на сегодняшний день во многом является выражением системы ценностей современной технологической цивилизации, оно содержит множество установок, признанных социально приоритетными, — стремление к информационной открытости и инновациям, прагматизм и эффективность в качестве критериев достижения любых целей. В таком «окружении» гуманитарные ценности часто воспринимаются неадекватно, их смысловое наполнение трансформируется и обедняется. Аналогичную роль выполняет и узко-институциональное представление об образовании, в рамках которого ценность образования определяется целеполаганием (в государственной парадигме), компетенциями, содействием обеспечению преемственности и обновлению общества [Яковлева, Косенко, 2021: 88]. Технократизм и прагматизм коллег и студентов заставляет преподавателей-гуманитариев искать разные средства для преодоления узконаправленной трактовки места гуманитарных ценностей в образовательном пространстве технического университета [Викторук, 2009, Палей, 2021b].

Самая очевидная особенность восприятия гуманитарных дисциплин в рамках технического образования — сведение их «полезности» к этико-воспитательным аспектам. Тесная связь гуманитарных ценностей с воспитанием (практически совпадение смыслов «гуманитарного» и «нравственного») обусловлено спецификой гуманитарных наук, их ориентированностью на человека и его совершенствование. В условиях эклектичности ценностного пространства, растущей релятивизации ценностей в современном мире такая установка выступает оправданной социальными обстоятельствами, необходимость предотвращения гуманитарных рисков делает воспитательные императивы гуманитариев значимыми с позиции выполнения «третьей миссии» университетов. Способность гуманитарных ценностей влиять на выявление границ собственного поведения, формировать рациональные обоснования поступков и противостоять имморализму части студентов заслуживает доверие и в силу этого является доминирующим рецептом интерпретации содержания и роли гуманитарных ценностей для негуманитариев. Поэтому вклад гуманитарных дисциплин в подготовку будущего профессионала в повседневной практике прочно связывается с общекультурными (т.е. важными, но неявными, нематериальными и плохо измеряемыми характеристиками). Ранее уже отмечалось, что доминирование воспитательного подхода может восприниматься студентами как «навязывание» ценностей (что не соответствует их установкам на свободу самоопределения), делает моральные ценности лишь дополнением к профессиональным навыкам [Палей, 2021а: 108, 111]. А главное — такая привычная интерпретация гуманитарных задач не позволяет увидеть их научного и методологического потенциала, необходимого в подготовке технического специалиста.

Перспективные зоны релевантности гуманитарного знания. Существуют две области целеполагания, в которых гуманитарные ценности в их повседневной трактовке негуманитариями еще являются нетипичными, но уже начинают проникать в сознание, — они связаны с научной методологией и будущей реализацией профессиональных навыков.

Парадигма постнеклассической науки серьезно изменила отношение к ценностям вообще — они перестали восприниматься как нечто чуждое подлинно научному мышлению, включаются в число необходимых элементов научного мировоззрения (Л. А. Микешина, В. С. Степин), признаются значимыми компонентами в рамках «личностного знания», снимая риски при достижении исследовательских задач, столкновении с неизвестным (М. Полани; Т. Кун). Исследовательские элементы в образовании могут являться тем смысловым пространством, где гуманитарные ценности (в их философской части — как ценности разума, истины, достоверного знания) способны обрести необходимое единство с естественнонаучными установками в понимании целевых доминант науки. Уважение к знанию, рациональность, представление об относительности знания, установка на поиск верной методологии — все это само собой разумеющиеся компоненты естественнонаучного мышления. В условиях научного сотрудничества (все шире распространяющегося в рамках изучения гуманитарных дисциплин в технических вузах) эти ценности раскрываются как общие смысловые доминанты, как основа «Мы-отношения» (в определении А. Щютца), формируя элементы *общего* опыта в отличие от неотрефлексированного «Ты-отношения», где реального понимания мира «Другого» не происходит [Портнов, 2007: 48]. В общем опыте преодолевается неопределенность аппрециации

«Другого», вырабатывается способность проникновения в его «жизненный мир», его переживания.

Восприятие гуманитарного как несущего моральные ценности привычно и не вызывает вопросов, оно отвечает интенции к поиску *знакомого* в окружающей реальности, поэтому трудно поддается переосмыслению. Но вместе с тем трансляция иного смыслового содержания гуманитарных категорий способна расширить границы привычного предпонимания. Разумеется, для этого необходимы время и реальная практика совместной деятельности, закрепляющие новые акценты в сознании и формирующие новые знаковые системы, способные обеспечить общие интерпретации. Главное изменение в понимании гуманитарных ценностей необходимо направить на трансформацию гуманитарного не как дополнительного, а как *необходимого* компонента профессиональной подготовки в сфере технического. Творческий потенциал и креативность всегда сопровождали труд инженера и IT-специалиста, их профессиональное аксиопропространство тесно связано с понятиями «прогресса» и «совершенствования», поэтому выход на *социальную* значимость и *социальную* эффективность представляются не столь уж труднодостижимыми. Оценка субъекта-пользователя уже входит в зону релевантного в пространстве цифровизации, отсылает к принципам социального управления, что включает требования этики в качестве необходимых инструментов профессионального сознания. Постепенно к техническим специалистам приходит понимание того, что «человеческий фактор» — не помеха, а важнейший элемент современных социотехнических систем. Актуальный переход на проектные виды профессиональной деятельности с их нацеленностью на практическую реализацию, на наш взгляд, усиливает данную направленность.

Феноменологический подход и возможности понимания. В работах А. Н. Портнова подчеркивается актуальность феноменологического подхода А. Шютца к ситуациям сосуществования различных жизненных миров: «тот понятийный аппарат, который развит для описания конечных областей значения, прекрасно подходит для описания и объяснения различий между культурами как в синхронии, так и в диахронии» [Портнов, 2007: 50]. В нашем случае — это различие между культурами технической и гуманитарной, где феноменологический подход позволяет найти новые «способы работы с материалом» за рамками выработанных в данных областях знания. «Очищение» повседневного образовательного опыта, характерное для феноменологической социологии, показывает скрытые формы осмысления действительности, обуславливающие устойчивость и легкость восприятия некоторых установок, тормозящих понимание и доверие между участниками образовательного взаимодействия.

Гуманитарное знание и ценности в рамках технического образования — это тот «Другой», без которого невозможно становление самости, служащий «экраном» для собственного повседневного опыта, рассматриваемый как вызов своим (в данном случае — узкотехническим) установкам, в то же время выступающий основанием для изменения восприятия мира, эмоционально мотивирующий к развитию и дающий новые смыслы в понимании окружающего. Отношение к Другому, как отмечается в литературе, может складываться по трем условным сценариям: 1) использовать его возможности, пренебрегая его субъектностью, 2) подстраивать специфику Другого под свои цели, 3) воспринимать Другого как полноценного субъекта взаимодействия

[Кожевникова, 2021: 82]. Вероятно, первые два варианта и были описаны нами выше в качестве привычного отношения к гуманитарному как общекультурному и воспитательному. При этом второй вариант сценария часто выбирается самими гуманитариями как приемлемый в силу возможности сохранения своей идентичности и (при условии достижения видимых эффективных результатов) развития форм гуманитарной «помощи» в образовательной и научной работе преподавателей и студентов. Третий сценарий взаимодействия по-прежнему остается недостижимой мечтой, нереализуемой, в том числе, по причине общей ценностной направленности современной цивилизации, ориентированной на материальные ценности, установки сциентизма и технократизма. В то же время мы можем увидеть примеры адекватного отношения технических специалистов к конкретным представителям гуманитарной сферы на уровне индивидуальных взаимодействий при условии высокого научного и социального статуса последних и наличии у первых глубокого интереса к вопросам гуманитарных наук. Выход гуманитариев на научные установки и социальную востребованность профессиональных технических навыков способствует сближению областей технического и гуманитарного, пониманию наличия общих интересов.

Ответы на поставленные в начале статьи вопросы о характере присутствия гуманитарных ценностей формируют картину «жизненного мира» современного технического образования как противоречивую, однобокую, но (вместе с тем и даже благодаря тому) и обладающую определенной перспективностью. Восприятие гуманитарного в рамках современного технического образования можно охарактеризовать как единство типического и атипического. Прототипичность жизненного мира не позволяет гуманитариям раскрыть все имеющиеся у них возможности, попытки выйти за рамки привычного часто воспринимаются как бесполезное излишество. Вместе с тем в границах технического образования существуют некоторые *области общих значений*, еще относящихся к непривычным, но создающих фундамент для расширения горизонта понимания. К числу таковых мы относим:

1) *ценность достоверного знания*, обусловленную не столько единством методологий (очевидно различных), сколько социальным доверием и возможностью благоприятно влиять на действительность;

2) *проблемный характер творческого поиска*, построенный, в свою очередь, на представлении о ценности интеллектуального труда и индивидуальности личности;

3) *критическое отношение к опыту и результатам своей деятельности*, связанное с представлениями о нелинейном характере современного развития и несовершенстве возможностей человека;

4) *ценность коммуникации* как фундамента любого взаимодействия (социального, технического и социотехнического), необходимость поиска общих интерпретаций для достижения осязаемого результата.

Расширение указанных областей значений позволит трансформировать жизненный мир технического образования в сторону его большей гибкости, способствовать повседневному восприятию гуманитариев, используя терминологию А. Шютца, не как «чужаков», а как «возвращающихся домой».

Библиографический список / References

- Викторук Е. Н. Этика и аксиология науки для аспирантов и соискателей (Опыт работы в Сибирском государственном технологическом университете) // *Эпистемология & философия науки*. 2009. Т. 21, № 3. С. 95—108.
- (Viktoruk E. N. Ethics and Axiology of Science for Postgraduate Students and Applicants (Work Experience at the Siberian State University of Technology), *Epistemology & Philosophy of Science*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 95—108. — In Russ.)
- Кожевникова М. Н. Значение Другого в контексте философско-антропологических оснований образования // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2021. Вып. 1. С. 73—86.
- (Kozhevnikova M. N. The meaning of the «other» in the context of the philosophical and anthropological foundations of education, *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2021, iss. 1, pp. 73—86. — In Russ.)
- Кожевникова М. Н. Рефлексия метода: на примере исследования образования человека // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2022. Т. 13, № 1. С. 57—69.
- (Kozhevnikova M. N., Reflection of the method: case study of a human education, *Society. Communication. Education*, 2022, vol. 13, no. 1, pp. 57—69. — In Russ.)
- Палей Е. В. Аксиопространство современного естественнонаучного и технического образования: возможности гуманитаризации // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2021а. Вып. 1. С. 106—112.
- (Paley E. V. Axiospace of contemporary natural science and technical education: opportunities for the integration of the humanities, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2021a, iss. 1, pp. 106—112. — In Russ.)
- Палей Е. В. Горизонты интеграции научного и философского в современном техническом образовании // *Философия и/или новое интегративное знание: сборник материалов VII Всероссийской научной конференции (с международным участием)*. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021b. С. 230—235.
- (Paley E. V. Horizons of Integration of Scientific and Philosophical in a Contemporary Technical Education, *Philosophy and/ or New Integrative Knowledge: Proceedings of the 7th Russian Scientific Conference*, Yaroslavl, 2021b, pp. 230—235. — In Russ.)
- Портнов А. Н. «Жизненный мир» Альфреда Шюцца: некоторые пояснения // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Вып. 2 (36). С. 43—51.
- (Portnov A. N. «Life World» of Alfred Schutz: Some Explanations, *Personality. Culture. Society*, 2007, iss. 2 (36), pp. 43—51. — In Russ.)
- Шюцц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
- (Schutz A. *Selected Works: A World that Glows with Meaning*, Moscow, 2004, 1056 p — In Russ.)
- Яковлева И. В., Косенко Т. С. Феноменологический анализ российского образовательного пространства // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 471. С. 87—92.
- (Yakovleva I. V., Kosenko T. S. Phenomenological Analysis of the Russian Educational Space, *Tomsk State University Journal*, 2021, no. 471, pp. 87—92. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Палей Елена Вадимовна — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, ev-paley@mail.ru

Paley Elena Vadimovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Ivanovo State University of Chemical Technology, Ivanovo, Russian Federation, ev-paley@mail.ru

Научная статья
УДК 502:37.03
DOI: 10.46724/NOOS.2022.3.20-26

Г. М. Суворова

ЭКОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ФИЛОСОФСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА КОЭВОЛЮЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. В фокусе внимания автора концепция коэволюции, рассматриваемая как ядро современной философии экологии и экологического образования. Зафиксированы этапы разворачивания коэволюционных идей в истории мировой интеллектуальной мысли. Раскрыты функционал и потенциал формирования экологического мировоззрения на примере системы высшего образования Ярославской области. Обозначены точки роста в процессе внедрения в образовательный процесс коэволюционных представлений. Обоснована системность экологизации сознания посредством образовательного, научного и воспитательного синтеза. Указаны специфические черты экологического образования, подкрепленные экопроектной деятельностью.

Ключевые слова: образование, экология, коэволюция, философское знание, экологическая культура, система «Природа — Человек — Общество»

Ссылка для цитирования: Суворова Г. М. Экология образования: философская перспектива коэволюционной концепции // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 20—26.

Original article

G. M. Suvorova

ECOLOGY OF EDUCATION: PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE OF THE COEVOLUTIONARY CONCEPT

Abstract. The author focuses on the concept of co-evolution, which is considered as the core of modern philosophy of ecology and environmental education. The stages of unfolding of co-evolutionary ideas in the history of world intellectual thought are fixed. The functionality and potential of the formation of an ecological worldview are revealed on the example of the system of higher education in the Yaroslavl region. Points of growth in the process of introducing co-evolutionary ideas into the educational process are indicated. The systematic nature of the ecologization of consciousness through educational, scientific and educational synthesis is substantiated. The specific features of environmental education, supported by eco-project activities, are indicated.

Keywords: education, ecology, co-evolution, philosophical knowledge, ecological culture, "Nature — Man — Society" system

Citation Link: Suvorova G. M. (2022) Ekologiya obrazovaniya: filosofskaya perspektiva koevolyutsionnoy kontseptsii [Ecology of education: philosophical perspective of the co-evolutionary concept], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 20—26.

© Суворова Г. М., 2022

Суть устойчивого развития системы «Природа — Человек — Общество» в контексте коэволюционной концепции складывается из многих составляющих, где определяющим направлением оказывается экология образования. Реализация концепции коэволюции в системе «Природа — Человек — Общество» охватывает весь спектр областей научного знания в экологии образования, направленная на разработку стратегии развития цивилизации.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы, исходя из анализа экологии образования, определить роль философского знания в образовательной сфере по экологической проблематике на современном этапе науки, где основой выступает концепция коэволюции. При изучении причин возникновения глобальных экологических кризисов наблюдается связь с факторами этического, социального характера, играющими значимую роль в дестабилизации общества.

Роль философского знания в образовательной сфере по экологической проблематике как направления мысли, которое сформировалось вокруг синергетического понимания онтологического и аксиологического единства компонентов в системе «Природа — Человек — Общество», является определяющей для устойчивого развития этой системы [Андреев, 2010]. В современной экологической философии выделяются две основные парадигмы — этическая и прагматическая. При современном могуществе цивилизации все усилия людей должны основываться на понимании того, что «экологическое образование должно стать стеновым хребтом любого современного образования» (Н. Н. Моисеев).

В философии экологии отражена роль философского знания по экологической проблематике, которая прошла путь от анализа методологии биологических наук через натурализм, трактующийся как общность законов развития и познания всех природных явлений и процессов, до философского осмысления глобальной экосистемы. Разумно управляемую человеком биосферу в двадцатые годы XX века В. И. Вернадский назвал ноосферой, т. е. сферой разума. В новой сложившейся экологической ситуации XX века Н. Н. Моисееву удалось переосмыслить концепцию ноосферы, предложив собственную идею коэволюции как новый виток развития человеческой цивилизации. Синтез экологии с принципом эволюции привел к формированию концепции коэволюции, которая является ныне основополагающей для философии экологии.

В настоящее время экология философии вошла в мировоззрение человечества и является предпосылкой для развития экологического образования в системе научного знания. Экология как наука нуждается в осмыслении движущих сил и механизмов, а коэволюционный подход позволяет взглянуть на историю взаимодействия человечества и природы с позиции философии и исторических периодов становления экологии. В *первый период*, еще до нашей эры, были заложены основы мировоззрения Космоса как макрокосма, «миростроя», засвидетельствованного в 520—460 гг. до н. э. во фрагментах Гераклита. Появилось понимание Космоса как законченного целого, структурно-организованного и упорядоченного, заключенного в определенные границы. Человек как микрокосм есть часть всеобщего космического процесса. Движение от человека к миру — «человек, познай самого себя, и ты познаешь мир» (Сократ) и от мира к человеку — «человек есть мера всех вещей» (Протагор). В этот период возникли первые современные естественных науки (Геофраст стал одним из основателей естествознания, ботаники; Аристотель создал понятийный аппарат, стиль научного мышления). Во *второй период*, XIV—XVIII веках, философия как высшая

форма знания была ориентирована на познание единого и универсального логоса — слова, доступного для интерпретации. Эпоха Возрождения сделала центром философствования человека, который несколько позднее «дополнился» природой, в отношении которой подробно изучались вопросы трансформации природных событий (Ж. Б. Ламарк, К. Линней, А. Лавуазье и другие). *Третий период*, XIX век, характеризовался заменой «естественнонаучной» установки, для которой внешний мир представляет собой некую независимую от человека и противостоящую ему реальность. Именно этот период можно считать временем становления экологии как науки об «экономии природы». Именно в эту эпоху научно оформилось представление об эволюции, основу которой составляет концепция естественного отбора, а Э. Геккель ввел в оборот термин «экология». Тогда же обозначил себя и термин «коэволюция» в значении процесса взаимного эволюционного изменения, которое происходит между парами или группами видов, зафиксированного Ч. Дарвиным в книге «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» на примере взаимодействия насекомых и цветущих растений (1859)¹. *Четвертый период*, первая половина XX века, содержательно связанный с философией существования — экзистенциализмом и философским реализмом [Смирнов, 2013], оказался для экологии «системным». «Осознание хрупкости бытия» (К. Ясперс), «чувство отвращения» (Ж.-П. Сартр), абсурдность жизни (А. Камю) были «компенсированы» учением В. И. Вернадского о биосфере, ее границах, переходе биосферы под воздействием человека — его научной мысли — в ноосферу, а А. Тенсли разработал учение об экосистеме. *Пятый период*, с середины XX века до наших дней, ознаменовался возникновением самостоятельных эконоук: экологии человека, геоэкологии, глобальной экологии и т. д.

Анализ современного философского знания в образовательной сфере по экологической проблематике и осознание фактов предела воздействия цивилизации на окружающую среду выявили необходимость изучения и развития концепции коэволюции. В системе «Природа — Человек — Общество» взаимодействия должны быть направлены на обеспечение будущности существования человека в биосфере. Однако в последней трети XX века возникли реальные экологические проблемы во всех сферах окружающей среды, которые стали влиять на социальную динамику, на научно-технический прогресс, в том числе и на развитие экологического образования. Возникшие глобальные негативные изменения в природе угрожают не только здоровью, но и выживанию человечества. При изучении причин возникновения глобальных экологических кризисов наблюдается связь с факторами этического, социального характера, оказывающими определенное действие в дестабилизации общества. Если интенсивные практические действия «всё дальше уводят нас в противопоставления человека миру природы», то надо «показать растущее согласие наших знаний о Человеке и природе, согласие, а не противопоставление» [Пригожин, Стенгерс, 1986: 44].

---

¹ В собственно научный оборот термин «коэволюция» был введен П. Эрлихом и П. Рейвенем в 1964 году, когда учеными-биологами была опубликована совместная работа «Бабочки и растения: исследование коэволюции» в научном журнале «Эволюция» [Стоцкая, Яковлева, 2021: 85]. В отечественной традиции первым, кто использовал термин «коэволюция» в отношении природы и общества, был русский советский биолог и генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский (1968) [там же].

В антропоцентрической экологической парадигме происходит отчуждение человека от природы, природа является объектом манипуляции человеческой деятельности, деградирует. С конца XX века возникает и развивается в настоящее время направление «экоцентрическая парадигма соразвития (коэволюции) природы и человека для удовлетворения человеческих потребностей», а также предусматривается развитие современной системы охранительных, восстановительных действий в природе с введением цифровых технологий. В формировании экологической культуры общества высшая школа ставит новые цели перед образованием: «развитие здоровой личности; эффективное усвоение информации и умение ее применять в жизни; формирование созидательного мировоззрения» [Шевченко, Лебедева, 2018]. Экологическое образование рассматривается как специфическая социокультурная деятельность, социальный институт для философии экологии, а в системе высшей школы отрабатываются стандарты экологического, ноосферного, коэволюционного образования. Философия экологического образования сегодня — это «область философских исследований, изучающая философские основания социоприродного взаимодействия, которая не только трактует все дисциплины экологического характера как научные направления, но и рассматривает их с философско-мировоззренческих, общекультурных позиций» [Лисеев, 2017: 102].

На рубеже XX и XXI веков началось осознание и формирование представлений так называемой глобальной экологии, трактуемой как методологический конструкт, позволяющий видеть всеобщие закономерности взаимодействия объекта и среды его обитания [там же: 104]. В новых условиях концепция коэволюции для философии экологии образования становится стратегией дальнейшего развития человеческого общества и его самосохранения. Одним из направлений в образовании по формированию экологической этики должны стать основы коэволюционного развития человека и природы, что требует систематических исследований, чтобы установить тенденции глобальных изменений в биосфере [Кондратьева, Горохов, 2021: 122].

Экологическое образование выполняет важную функцию в обществе не только в рамках когнитивного восприятия природных и культурных ценностей родного края, воспитания, развития эмоциональной и волевой сферы, а реализует планетарные возможности личности [Рубанова, 2009]. Современную систему экологического образования следует рассматривать со стороны инновационных подходов, во-первых, как самостоятельную дисциплину «Экология»; во-вторых, через призму экологизации основных учебных предметов; в-третьих, в прикладном аспекте — в центрах дополнительного образования и в детских оздоровительных лагерях для изучения теоретических вопросов и выполнения практических заданий по экологии. Результатом формирования экологической культуры станет степень адаптации индивида к жизни в окружающей среде.

Роль университетского образования в этом контексте заключается не только в создании атмосферы синергетического эффекта взаимодействия преподавателей и студентов, расширяющего возможности интеллектуальной самореализации каждого посредством созидания ценностей, востребованных обществом [Коваленко, 2019: 29], но и в формировании целостной (биосферно-ноосферной) картины мира [Смирнов, 2003]. Для этого расширяется система подготовки специалистов в области профессиональной экологической деятельности, а также проводится повышение квалификации и переподготовки специалистов разного

профиля по вопросам рационального природопользования, охраны окружающей среды и экологической культуры.

В системе высшего образования Ярославской области ведется подготовка специалистов-экологов в ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, ЯрГУ им. П. Г. Демидова, ЯГТУ, а также реализуется повышение уровня экологического образования в УПК при Ярославской областной общественной организации ООО «ВООП» [Смирнов, 2005]. Среди основных функций будущего педагога-эколога является организаторская (управление взаимодействием с образовательными учреждениями, общественными организациями), педагогическая и методическая, которые состоят в целенаправленном воспитании и формировании экологической культуры подрастающего поколения [Суворова, 2020]. Исследовательская функция состоит из разработки, защиты и реализации проектов, направленных на изучение системы «Природа — Человек — Общество», охранно-защитная функция — это использование правовых аспектов в охране окружающей среды, а прогностическая функция связана с проектированием коэволюционного экологического образования.

Экологическое образование должно обладать характеристиками объективности, доказательности, точности, критичности, отражать «как познавательную мировоззренческую составляющую, так воспитательную составляющую, направленную на формирование экологической культуры — системы социальных ценностей, касающихся взаимоотношения человека и природы, гармоничности сосуществования» [Суворова, 2019: 24]. Названным критериям отвечают такие региональные проекты, как «Развитие экологической культуры в Ярославской области», «Время правильно действовать в сфере экологии», а также мастер-классы «Экологическая безопасность», «Биоразнообразие», «Экология леса», «Экологический лекторий» и иные инновационные формы деятельности Всероссийского общества охраны природы (например, «Мы — дети Волги»).

Понимание концепции коэволюции необходимо развивать с учетом интересов будущих поколений. Внедрение концепции коэволюции в высшие учебные заведения обеспечит новый аспект экологических знаний, «мотивацию к учебе, сбережение здоровья; духовно-нравственный рост; мировоззренческую гармонию; социализацию личности» [Шевченко, Лебедева: 2018]. Пока же концепция коэволюции в содержании профессионального экологического образования представлена отдельными, частными аспектами подготовки специалистов-экологов. Для эффективного внедрения коэволюционного подхода необходимо вести поиск новых методологических, теоретических, дидактических и инновационных аспектов на уровне «точек роста» экологии философии в направлении устойчивого развития.

Составляющие системы непрерывного экологического образования от профессионального экологического образования студентов в вузе до дошкольного, школьного образования, а также дополнительное и послевузовское профессиональное образование, экологическое просвещение и неформальное образование должны строиться на философских, социальных, культурологических основаниях. Целостность этой системы является непременным условием для изменения общественного сознания и мировоззрения в соответствии с новыми экологическими идеями, ценностями и представлениями в коэволюции. Эффективность экологии философии во многом определяется технологиями, методологическими средствами, что представляет собой современный университет,

который совмещает не только образовательную и научную функции, но и воспитание молодежи. Здесь важными являются «воспитательные отношения, возникающие в процессе образования и обучения с элементами самовоспитания, самообразования и самообучения. Педагогика тесно связана с науками, изучающими человека как биологическую систему и как социальное существо, с психологией и философией» [там же, 2018].

Философия коэволюции в экологии образования выполняет ведущую роль утверждения в общественном сознании экоцентрической парадигмы, когда сохранение природы выступает социальной и личной ответственностью для сохранения человечества как части природы. При реализации концепции коэволюции в экологическом образовании требуются коллективные усилия философов, ученых — теоретиков и практиков, управленцев и организаторов народного образования, преподавателей различных дисциплин вузов, учителей школ.

Библиографический список / References

- Андреев М. Д. Коэволюционная концепция в экологизации образования как фактор социальной стабильности // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 2. С. 30—33.
(Andreev M. D. Coevolutionary concept in the greening of education as a factor of social stability, *International Journal of Experimental Education*, 2010, no. 2, pp. 30—33. — In Russ.)
- Кондратьева С. Б., Горохов С. А. Концепция коэволюции Никиты Николаевича Моисеева: Экофилософские, этические и образовательные аспекты // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6-5. С. 122—125.
(Kondratieva S. B., Gorokhov S. A. The concept of co-evolution by Nikita Nikolaevich Moiseev: Ecophilosophical, ethical and educational aspects, *International Research Journal*, 2021, no. 6-5, pp. 122—125. — In Russ.)
- Коваленко С. В. Концепция ноосферогенеза как философско-методологическая основа функционирования и развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2 (19). С. 29—34.
(Kovalenko S. V. The concept of noospherogenesis as a philosophical and methodological basis for functioning and development, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2019, no. 2 (19), pp. 29—34. — In Russ.)
- Лисеев И. К. Философия экологии сегодня // Философские науки. 2017. № 3. С. 102—115.
(Liseev I. K. Philosophy of ecology today, *Philosophical sciences*, 2017, no. 3, pp. 102—115. — In Russ.)
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 429 с.
(Prigogine I., Stengers I. *Order out of chaos: a new dialogue between man and nature*. Moscow, 1986, 429 p. — In Russ.)
- Рубанова Е. В. Проблемы современного экологического образования // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315, № 6. С. 75—81.
(Rubanova E. V. Problems of modern environmental education, *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2009, vol. 315, no. 6, pp. 75—81. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. № 1. С. 57—64.

- (Smirnov G. S. Noospheric picture of the world and modern education // *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*. 2003, no. 1, pp. 57—64. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Современное ноосферное образование: региональный аспект // *Вопросы современной науки и практики*. Университет им. В. И. Вернадского. 2005. № 2. С. 105—112.
- (Smirnov G. S. Modern noospheric education: regional aspect // *Questions of modern science and practice*. V. I. Vernadsky's University, 2005, no. 2, pp. 105—112.)
- Смирнов Г. С. Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия // *Ноосферные исследования*. 2013. № 1 (1). С. 78—93.
- (Smirnov G. S. Vernadsky's Philosophy: World Consciousness of the Third Millennium, *Noospheric Studies*, 2013, no. 1 (1), pp. 78—93. — In Russ.)
- Стоцкая Т. Г., Яковлева Е. А. Философия коэволюции // *Вестник Самарского государственного технического университета*. Серия: Философия. 2021. № 6. С. 84—90.
- (Stotskaya T. G., Yakovleva E. A. Philosophy of coevolution, *Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Philosophy*, 2021, no. 6, pp. 84—90. — In Russ.)
- Суворова Г. М. Экологические проекты // *Экологические истории Ярославии: методические рекомендации для учителей и педагогов дополнительного образования*. Ярославль: Канцлер, 2019. С. 22—31.
- (Suvorova G. M. Ecological projects, in *Ecological stories of Yaroslavia: Methodological recommendations for teachers and teachers of additional education*, Yaroslavl, 2019, pp. 22—31. — In Russ.)
- Суворова Г. М. Отражение идеи устойчивого развития в экологическом образовании Ярославской области // *Ноосферные исследования*. 2020. № 2. С. 66—70. DOI 10.46724/NOOS.2020.2.66-70.
- (Suvorova G. M. Reflection of the idea of sustainable development in the environmental education of the Yaroslavl region, *Noospheric studies*, 2020, no. 2, pp. 66—70. — In Russ.)
- Шевченко Н. Ю., Лебедева Ю. В. Концепция ноосферного университетского образования // *Научное обозрение*. Фундаментальные и прикладные исследования. 2018. № 5. URL: <https://scientificreview.ru/ru/article/view?id=43> (дата обращения: 19.11.2021).
- (Shevchenko N. Yu., Lebedeva Yu. V. The concept of noospheric university education, *Scientific Review. Fundamental and applied research*, 2018, no. 5. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 20.11.2021; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Суворова Галина Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент, председатель совета Ярославского отделения Всероссийской общественной и культурно-просветительской экологической организации, педагог, Санаторно-лесная школа имени В. И. Шарова, г. Ярославль, Россия, suvorova@76.ru

Suvorova Galina Mikhailovna — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Chairman of the Council of the Yaroslavl Branch of the All-Russian Public, Cultural and Educational Ecological Organization, teacher, Sanatorium-forest school named after V. I. Sharov, Yaroslavl, Russian Federation, suvorova@76.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КИБЕРСОЗНАНИЯ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Научная статья
УДК 37.035.6:004
DOI: 10.46724/NOOS.2022.3.27-35

С. А. Зайцева, В. А. Смирнов

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ГАРАНТ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. В фокусе внимания авторов статьи — понятие суверенитета, которое, пройдя через призму цифровизации, расширило сферу своего применения и трактуется уже не только как свойство, присущее государству, но и как индивидуальный или групповой атрибут. Проанализировано понятие «историческая память» через призму потребности в регулярной коммуникации с «цифровым суверенитетом» в контексте отдельной личности, общественной группы или государства. Показано, что достижение цифрового суверенитета является одним из необходимых условий защиты от манипулятивного воздействия на историческую память, а также возможности корректного отражения текущего состояния исторической памяти через личные цифровые следы. Представлено текущее состояние и перечень актуальных проблем, связанных с достижением цифрового суверенитета личностью и/или образовательной группой. Отмечен вклад педагогов и образовательного учреждения в развитие у обучающихся потребности и способности сохранения цифрового суверенитета и критической оценки «исторической памяти» в процессе цифровой коммуникации.

Ключевые слова: историческая память, цифровой суверенитет, цифровой след, педагог, университет

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33053

Ссылка для цитирования: Зайцева С. А., Смирнов В. А. Цифровой суверенитет как гарант сохранения исторической памяти // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 27—35.

Original article

S. A. Zaitseva, V. A. Smirnov

DIGITAL SOVEREIGNTY AS A GUARANTOR OF THE PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY

Abstract. The authors of the article focus on the sovereignty concept, which, having passed through the prism of digitalization, has expanded the scope of its application and is no longer interpreted only as a property inherent in the state, but also as an individual or group

---

© Зайцева С. А., Смирнов В. А., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 27—35 •

attribute. The concept of "historical memory" is analyzed through the prism of the need for regular communication with "digital sovereignty" in the context of an individual, social group or state. It is shown that the achievement of digital sovereignty is one of the necessary conditions for protection against manipulative influence on historical memory, as well as the possibility of correctly reflecting the current state of historical memory through personal digital traces. The current state and a list of topical issues related to the achievement of digital sovereignty by an individual and/or an educational group are presented. The contribution of teachers and educational institutions to the development of the need and ability of students to maintain digital sovereignty and a critical assessment of "historical memory" in the process of digital communication is noted.

Keywords: historical memory, digital sovereignty, digital footprint, teacher, university

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-33053

Citation Link: Zaytseva S. A., Smirnov V. A. (2022) Tsifrovoy suverenitet kak garant sokhraneniya istoricheskoy pamyati [Digital sovereignty as a guarantor of the preservation of historical memory], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 27—35.

Понятие цифрового суверенитета является достаточно новым. Одним из наиболее фундаментальных исследований, посвященных разбору этого понятия, является работа С. Кутюр и С. Тоупиной [Кутюр, Тоупин, 2020]. Проведенный ими анализ показывает, что понятие суверенитета, проходя через призму цифровизации, расширяет сферу своего применения и трактуется уже не только как свойство, присущее государству, но и как индивидуальное. Мы поддерживаем мнение исследователей в том, что стоит выделять понятие личного цифрового суверенитета как «установление индивидом контроля над собственными данными, устройствами, программным и аппаратным обеспечением и иными технологиями» [там же: 61]. Появлению такого понятия в современных условиях развития цивилизации способствовала возможность общества или отдельных личностей прибегать к использованию свободного программного обеспечения или технологий шифрования.

Касательно определения «цифрового суверенитета» применительно к государству мы соглашаемся с мнением М. В. Перовой, И. В. Волковской и А. М. Максимовой в том, что под ним следует понимать право и возможность правительства «самостоятельно и независимо определять и внутренние, и геополитические национальные интересы в цифровой сфере, вести самостоятельную внутреннюю и внешнюю информационную политику, распоряжаться собственными информационными ресурсами, формировать инфраструктуру национального информационного пространства, а также гарантировать электронную и информационную безопасность государства» [Перова, Волковская, Максимова, 2022: 119].

В исследовании Ю. В. Ивановой [Иванова, 2021] подчеркивается тот факт, что историческая память включает в себя не только конкретные факты прошлого, но и связанные с ними оценочные суждения, имеет свойство сосредотачиваться вокруг конкретных наиболее важных событий, влиять на процессы построения нации. Ю. В. Иванова подчеркивает особую роль образовательных учреждений в формировании «культуры памяти» и говорит о том, что современ-

ная образовательная политика в числе ряда условий должна «поощрять российскую молодежь к более активному участию в дебатах по истории и вносить свой вклад в создание осознанной исторической памяти» [Иванова, 2021: 30].

Отметим, что в настоящее время подобные дебаты могут быть организованы при помощи средств ИКТ. Тогда результатами таких дебатов станут цифровые следы [Зайцева, Смирнов, 2021]. Анализ подобного рода цифровых следов может стать для исследователей способом фиксации и отражения текущего состояния исторической памяти конкретного индивидуума, общественной структуры, государства. Более того, такие цифровые следы являются не только фиксаторами, но и информацией, способной к воздействию на окружающих.

При достаточно высоком потенциале в способности сохранять и поддерживать историческую память цифровые следы несут в себе и угрозу ее искажения. Одна из главных причин этого состоит в том, что не всегда можно однозначно идентифицировать участника сетевого обсуждения как члена той или иной общественной группы (или наоборот, его непринадлежность к этой группе). В соответствии с этим через обсуждение в информационном пространстве есть возможность манипулятивного влияния на историческую память.

Ограничение возможностей воздействия такого влияния напрямую связано с регулированием информационного контента, находящегося на тех или иных цифровых платформах. При этом каждая платформа, хоть и являющаяся общедоступной, опирается на законодательство и позицию органов власти той страны, в которой зарегистрирован ее владелец и/или физически расположены ее сервера.

Необходимо учитывать, что многие современные ресурсы хранят не только информационный контент, но и данные его рейтинга, т. е. пользовательские оценки этого контента. В соответствии с этим можно допустить возможность управления данным рейтингом со стороны платформы. Кроме того, многие ресурсы обладают рекомендательной системой, т. е. выдают пользователю именно ту информацию, которая должна быть ему интересна. Механизм определения интереса к информационному контенту со стороны пользователей также может быть скорректирован владельцем системы.

Понимание того, какое содержимое не противоречит идеям и исторической памяти, различается в различных государствах. И при необходимости фильтрации контента платформа будет опираться именно на позицию ее обладателей. В связи с этим возникает потребность в создании отдельных платформ для каждой страны.

Образование и наука в сфере цифровых технологий ввиду их постоянного развития требуют столь же непрерывного процесса гармонизации терминов, которая предполагает «системное сопоставление терминологии двух или более языков на основе сводной системы понятий» [Карапетьян, 2007: 2]. В частности, данный процесс является актуальным для сферы информационной безопасности, инфокоммуникационных систем и сетей, систем искусственного интеллекта и др.

Обучение специалистов в области информационных технологий и педагогов ИТ-сферы во всех вузах должно привести к всеобщему использованию единой терминологии. Обеспечение такой терминологии с учетом высокой скорости нововведений в отрасли может быть достигнуто лишь при использовании единых цифровых образовательных платформ, где студенты будут иметь возможность получать информацию непосредственно от профессионалов

IT-сферы. К таким можно отнести специалистов таких крупнейших российских компаний, как «1С», «Ростелеком», «Лаборатория Касперского», ГК «Аквариус», «Код безопасности» и др. С другой стороны, недопустимо игнорировать и влияние на отрасль таких авторитетных зарубежных компаний, как Huawei, Oracle, Microsoft, Cisco, Google и др.

Ввиду специфики предметной области у кафедры математики, информатики и методики обучения Шуйского филиала ИвГУ наибольшее количество дисциплин и направлений подготовки, а также программ мероприятий внеурочной деятельности в той или иной мере связано с ознакомлением с данными организациями и использованием их систем и сервисов. В качестве примеров этого можно привести следующие ситуации:

1) совместными усилиями преподавателей кафедры и сотрудников ГК «Аквариус» организуется экскурсия обучающихся на производство Шуйского филиала данной организации;

2) обучающиеся и преподаватели кафедры ежегодно участвуют в мероприятиях фирмы «1С», в том числе в ежегодной конференции «Новые информационные технологии в образовании» (educonf.1c.ru). К сожалению, в последние два года она проводится исключительно в дистанционном формате;

3) преподаватели ссылаются на материалы, представленные в вебинарах специалистов фирм «Лаборатория Касперского», «Код безопасности» и «Ростелеком-Солар» как на дополнительные источники информации по дисциплине «Методы и средства защиты информации»;

4) на базе кафедры в течение долгого времени функционировала академия Cisco, материалы которой были использованы при проведении дисциплин «Основы сетевых технологий» и «Операционные системы» (бакалавриат), «Основы кибербезопасности» (магистратура);

5) на базе кафедры была открыта академия Oracle, курсы которой были интегрированы в образовательный процесс по предмету «Базы данных»;

6) студенты и аспиранты кафедры активно участвовали в Huawei Honor Cup, в рамках которого производилась сдача сертификационных экзаменов по направлениям HClA AI, HClA Storage, HClA IP. Данная сертификация являлась общепризнанным средством, гарантирующим владение терминами в соответствующей ему области¹.

Аналогичная ситуация наблюдается с использованием технологий фирмы Microsoft. При наличии стремления к переходу на отечественные операционные системы (например, Astra Linux) наблюдается также и сохранение отдельных требований, косвенно указывающих на необходимость применения именно продуктов Microsoft. В частности, многие конференции до сих пор требуют предъявлять материалы именно в формате Microsoft Word.

Таким образом, на уровне отдельного преподавателя, университета и кафедры сложно говорить о достижении цифрового суверенитета через отказ от использования зарубежных программных средств, сервисов и систем. Однако в

---

¹ Важно отметить, что Шуйский филиал ИвГУ является лишь одним из значительного количества вузов, использующим сервисы иностранных IT-компаний, ресурсы которых уже стали недоступными для россиян или находятся в сфере рисков подвергнуться санкциям. Поэтому при поиске их альтернатив нужна совместная системная работа всех отечественных вузов.

контексте образовательного процесса в вузе можно говорить о вкладе педагога информатики в цифровой суверенитет личности, как о процессе, связанном с формированием цифровых компетенций обучающегося.

В последнее время достаточно широко известным термином в сфере информационных технологий является термин «теневые ИТ», которые включают в себя ИТ-системы и решения, развернутые и используемые в организациях без формального одобрения со стороны непосредственного руководства [Кулишова, Кузьмин, 2017]. Отсутствие контроля со стороны руководства и отдела информационных технологий над этими сервисами приводит к появлению угроз нарушения конфиденциальности данных, покинувших «цифровой периметр». Очевидно, что присутствие в деятельности сотрудников компаний теневых ИТ может рассматриваться как нарушение цифрового суверенитета организации.

Одной из причин использования таких сервисов как в деятельности коммерческой организации, так и в деятельности преподавателя университета, является несовершенство или неудобство существующей ИТ-инфраструктуры. С одной стороны, использование таких сервисов (за неимением достойных одобренных аналогов) удобно преподавателю и способно повысить качество образовательного процесса, с другой — среда университета является одной из первых организаций, где формируется молодой специалист, и поэтому использование теневых ИТ в ней воспитывает у выпускников «необязательность» в исполнении нормативных требований и законодательных установок.

Отметим, что в Ивановском государственном университете функционирует информационная система Moodle, где взаимодействие построено следующим образом: для каждой студенческой группы создан свой учебный курс (см. рис.), который дает педагогам право и возможность добавлять материалы в рамках своего раздела.

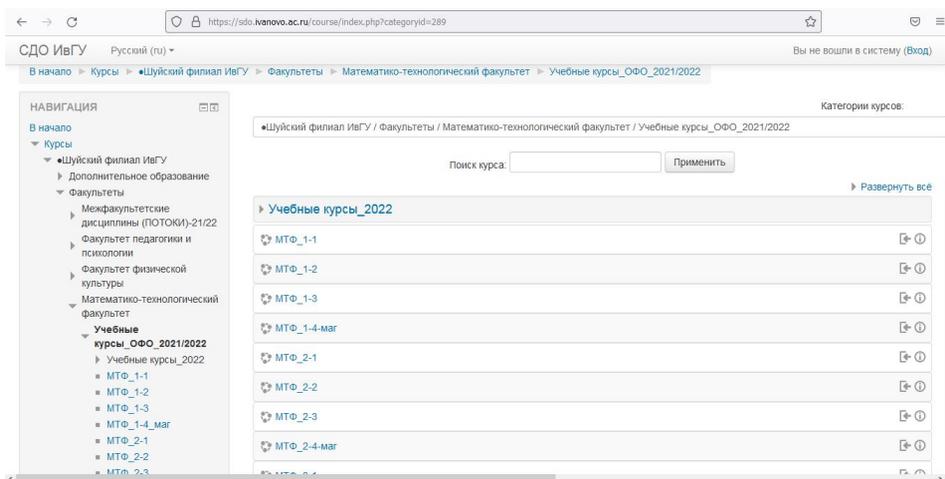

Рис. Курсы в системе Moodle для студентов

Педагогический опыт позволяет нам выделить способы использования теневых ИТ в деятельности педагога и доступные в Шуйском филиале ИвГУ их альтернативные варианты (см. табл.).

Пути использования теневого ИТ и их альтернативы

Вариант использования теневого ИТ	Альтернативный вариант	Причина использования теневого ИТ
Создание группы для подготовки студентов к олимпиаде, конференции и т. д. (например, в социальной сети ВКонтакте)	Открытие курса для подготовки в системе Moodle с использованием элементов «Форум», «Чат»	Более частое посещение студентами социальной сети, вследствие чего более высокая скорость реагирования на сообщения преподавателя
Использование для проведения дистанционных консультаций или занятий бесплатных версий сервисов видеоконференцсвязи, обладающих, с точки зрения педагога, более богатым функционалом, высоким качеством связи, дружелюбным дизайном	Создание в системе Moodle элемента «BigBlueButton»	Нежелание преподавателей создавать излишнюю нагрузку на сервер университета, слишком широкое распространение и освоение преподавателями Zoom в период пандемии (бесплатный сервис, но с ограничением возможности его использования при проведении конференций до 40 мин)
Использование сервисов интерактивных досок, инфографики и презентаций для создания плакатов, иллюстративного материала (например, canva.com)	Использование offline-инструментов LibreOffice Draw, LibreOffice Impress, GIMP и др.	Необходимость дополнительных усилий для размещения материала в открытом доступе, широкое распространение облачных технологий
Использование сторонних сервисов для размещения тестирования, перечней практических заданий и др.	Создание в системе Moodle элементов «Задание» и «Тестирование»	Необходимость настройки доступа пользователей в Moodle в противовес простому распространению ссылки в нужный момент времени
Использование видеохостинга для хранения записей лекций, сервисов облачного хранения для обмена файлами	Создание в системе Moodle элементов «Лекция», «Страница», «Файл» и др.	Нежелание преподавателей занимать пространство на сервере университета, дополнительные трудозатраты при распространении одной и той же лекции среди разных студенческих групп

Таким образом, мы выделяем следующие проблемы достижения цифрового суверенитета личностью и/или образовательной группой:

— отсутствие единой открытой для доступа и в то же время защищенной и независимой цифровой среды, предназначенной для осуществления студентами

межрегиональной и международной коммуникации и совместной научно-исследовательской деятельности по предметным областям профессиональной подготовки;

— недостаточная проработанность ряда нормативных документов в области используемых технологий, выполнение которых необходимо студентам, аспирантам и преподавателям в процессе научно-исследовательской деятельности;

— недостаточная распространенность и/или качество отечественных информационных систем и сервисов в среде университета, способных безболезненно заменить зарубежные аналоги.

Существенной отрицательной стороной всех неконтролируемых организацией сервисов является невозможность однозначной идентификации пользователей. Пользователи на таких сервисах, как правило, регистрируются самостоятельно и могут указать любые данные в профиле на сайте. Вследствие этого повышается риск создания фейковых аккаунтов и их эксплуатация под эгидой организации.

Обладатель фейкового аккаунта получает возможность высказывать любые идеи и убеждения от имени того человека, чьи данные были использованы при регистрации. Опознание поддельности аккаунта является сложной задачей для неподготовленного обучающегося. В связи с этим одной из главных задач преподавателя является предупреждение подобных ситуаций. В частности, необходимо акцентировать внимание обучающихся на том, что профили на мало-распространенных сайтах нельзя использовать в качестве средства для общения, а при любых связях друг с другом использовать лишь те сервисы и учетные записи, которые были оговорены заранее, при очном взаимодействии.

С другой стороны, в образовательном процессе следует использовать лишь сервисы, привязанные к организации. В частности, в Шуйском филиале ИвГУ ранее использовались ресурсы Академии Cisco, Oracle, о чем публиковались соответствующие новости на сайте университета². Наличие управляющего аккаунта у педагога или системного администратора на таких платформах обеспечивает дополнительную защиту обучающихся. С другой стороны, подобная осведомленность администрации вуза и факультета о том, какие сервисы эксплуатируются в обучении, приучают студентов к мысли о том, что используемые ресурсы должны быть известны руководителю организации.

К сожалению, контактные данные в виде адреса страницы в социальных сетях или идентификатора в мессенджере могут устареть. Поэтому одной из наиболее существенных гарантий точной идентификации человека является создание им персонального сайта на независимой платформе. На таком сайте должна быть размещена страница с актуальной контактной информацией. При таком подходе возможно нивелирование ситуаций, когда от имени человека начинают высказывать какие-либо идеи на другом ресурсе. В том числе, для влияния на «историческую память».

В дополнение к этому появление любого не идентифицируемого аккаунта и его включение в обсуждение должно быть поводом для сомнения в сделанных от его имени высказываниях. Такие сообщения обучающиеся должны

---

² В этом году Шуйский филиал ИвГУ получил статус опорной площадки Сертификационной Олимпиады «Траектория будущего». URL: <http://sspu.ru/pages/news/2019/04/05/1.html> (дата обращения: 04.05.2022).

воспринимать не как однозначно истинные утверждения, а лишь как информацию, нуждающуюся в критическом осмыслении и дальнейшей проверке.

На данный момент преждевременно и нерационально говорить о полном отказе от зарубежного программного обеспечения и сервисов, который может не только оказаться нерациональным, но и иметь негативные последствия развития современных IT-специалистов и учителей информатики. Но в рамках своей деятельности преподаватель высшей школы должен способствовать развитию критического мышления у студентов, обращать их внимание на важность соблюдения цифрового суверенитета на государственном и вузовском уровне. Будущим IT-специалистам и учителям информатики целесообразно и важно понимать и объяснять как преимущества, так и риски использования «теневых IT», следить за появлением альтернативных государственных сервисов и быть готовым к их освоению, внедрению и адаптации в разные сферы деятельности.

Библиографический список / References

- Зайцева С. А., Смирнов В. А. Аксиологический подход к понятию цифрового следа // Ноосферные исследования. 2021. № 3. С. 79—87.
(Zaytseva S. A., Smirnov V. A. Axiological approach to the concept of digital footprint, *Noospheric Studies*, 2021, vol. 3, pp. 79—87. — In Russ.)
- Иванова Ю. В. Историческая память: современные угрозы и возможные ответы // Славянский мир: письменность, культура, история: материалы XXX Международной научно-практической конференции имени В. В. Ильина, Смоленск, 27 мая 2021 года / отв. ред. Ю. В. Иванова. Смоленск: Областное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования Смоленский государственный институт искусств, 2021. С. 26—31.
(Ivanova Iu. V. Historical memory: contemporary threats and possible answers, in Ivanova Iu. V. (ed.) *Slavic World: Writing, culture, history*, Smolensk, 2021, pp. 26—31. — In Russ.)
- Карапетьян А. Э. Вопросы упорядочения и лексикографического описания терминологической танцевальной лексики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2007. № 31. С. 221—228.
(Karapetyan A. E. Questions of regulation and lexicographic description of terminological dancing vocabulary, *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, 2007, no. 31, pp. 221—228. — In Russ.)
- Кулишова А. В., Кузьмин Е. В. Влияние теневых облачных приложений на безопасность организации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 91—93.
(Kulishova A. V., Kuzmin Ye. V. The diagnosis of innovation ecosystems in krasnodar region, *Azimuth of scientific research: economics and management*, 2017, vol. 6, no. 1 (18), pp. 91—93. — In Russ.)
- Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15, № 4. С. 48—69.
(Couture S., Toupin S. What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital?, *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, 2020, vol. 15, no. 4, pp. 48—69. — In Russ.)

Перова М. В., Волковская И. В., Максимова А. М. Цифровой суверенитет как приоритет государственной политики на современном этапе // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Москва, 21 февраля 2022 года / редколлегия: Л. К. Гуриева, З. Ш. Бабаева [и др.]. Москва: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2022. С. 118—122.

(Perova M. V., Volkovskaya I. V., Maksimova A. M. Digital sovereignty as a priority of geographical policy at a compatible stage, in Guriyeva L. K., Babayeva Z. SH. (ed.) *Challenges of compatibility and strategic intelligence in the new reality*, 2022, Moscow, pp. 118—122. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.04.2021; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 22.04.2021; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Зайцева Светлана Анатольевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой математики, информатики и методики обучения, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, Z_A_S_@rambler.ru

Zaitseva Svetlana Anatolyevna — Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Head of the Department of Mathematics, Informatics and Teaching Methods, Ivanovo State University (Shuya branch), Shuya, Russian Federation, Z_A_S_@rambler.ru

Смирнов Вадим Анатольевич — аспирант кафедры математики, информатики и методики обучения, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, v.a.d.i.m@bk.ru

Smirnov Vadim Anatolyevich — Post-graduate student of the Department of Mathematics, Informatics and Teaching Methods, Ivanovo State University (Shuya Branch), Shuya, Russian Federation, v.a.d.i.m@bk.ru

Научная статья
УДК 167:004.896
DOI: 10.46724/NOOS.2022.3.36-46

Е. Ю. Огурцова, Р. Н. Фадеев

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РОБОТОТЕХНИКИ

Аннотация. В центре внимания авторов — философско-методологический срез междисциплинарных проблем развития систем робототехники, наделенных искусственным интеллектом. Проведен анализ текущего состояния, перспектив и барьеров развития интеллектуальной робототехники в рамках тьюринговой методологии. Подробно рассмотрен подход в области интеллектуальной робототехники на основе посттьюринговой методологии. Выявлен ряд исследований, обосновывающих способы создания интеллектуальных роботов, обладающих возможностями самостоятельного действия одновременно в различных измерениях — виртуального-физического и невербального-вербального. Рассмотрены предпосылки нового подхода к разработке когнитивных архитектур для технологий интеллектуальной робототехники. Сделан вывод, что сложные робототехнические системы недостаточно рассматривать только в техническом плане, необходимо их изучение с учетом социальных ценностей, мировоззренческих ориентиров и иных составляющих духовной сферы.

Ключевые слова: интеллектуальная робототехника, искусственный интеллект, методология, философское осмысление, когнитивная архитектура

Ссылка для цитирования: Огурцова Е. Ю., Фадеев Р. Н. Философско-методологический анализ основ интеллектуальной робототехники // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 36—46.

Original article

E. Yu. Ogurtsova, R. N. Fadeev

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE FUNDAMENTALS OF INTELLIGENT ROBOTICS

Abstract. The authors focus on the philosophical and methodological dimension of interdisciplinary problems in the development of robotics systems endowed with artificial intelligence. An analysis of the current state, prospects and barriers to the development of intelligent robotics in the framework of the Turing methodology has been carried out. The approach in the field of intelligent robotics based on the post-Turing methodology is considered in detail. A number of studies have been identified that substantiate methods for creating intelligent robots that have the ability to act independently simultaneously in various dimensions — virtual-physical and nonverbal-verbal. The prerequisites for a new approach to the development of cognitive architectures for intelligent robotics technologies are considered. It is concluded that it is not enough to consider complex robotic systems only in technical terms, it is necessary to

---

© Огурцова Е. Ю., Фадеев Р. Н., 2022

study them taking into account social values, worldview guidelines and other components of the spiritual sphere.

Keywords: intellectual robotics, artificial intelligence, methodology, philosophical comprehension, cognitive architecture

Citation Link: Ogurtsova, Ye. Yu., Fadeyev, R. N. (2022) *Filosofsko-metodologicheskiy analiz osnov intellektual'noy robototekhniki* [Philosophical and methodological analysis of the foundations of intelligent robotics], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 36—46.

Философско-методологический анализ имеет особое значение, когда речь идет о междисциплинарных проблемах, к которым, несомненно, можно отнести проблему развития систем робототехники, наделенных искусственным интеллектом. На пороге нового этапа развития искусственного интеллекта, когда возникают новые задачи и для их решения необходимы новые методологические подходы, важно философское осмысление предыдущего его этапа.

Принято считать, что впервые над вопросом, как отличить способности человека и машины, задумался Рене Декарт. Он полагал, что невозможно отличить машину от животного, если она ни внешним видом, ни внутренним строением не будет отличаться от него. Но если машина будет иметь полнейшее сходство с телом и поведением человека, то различить возможно, так как человек обладает разумом. Для этого следует протестировать машину на ее способность пользоваться языком, сообщая другим свои мысли, и на ее способность работать в самых различных контекстах. Декарт полагал, что тесты не будут пройдены, хотя в некоторых частных случаях машина может действовать лучше человека.

Концептуальные основы для работы многих поколений разработчиков искусственного интеллекта задала статья британского математика Алана Тьюринга «Вычислительные машины и разум» («Computing Machinery and Intelligence»), написанная более 70 лет назад. Как определить, может ли машина мыслить? Тьюринг предложил тест, придуманный на основе имитационной игры для вечеринок. В этой игре мужчина и женщина находятся в разных комнатах. Гости задают им письменные вопросы и по ответам на них должны определить, в какой комнате кто находится. Мужчина и женщина своими ответами стараются запутать гостей (рис. 1). В первом варианте теста Тьюринг заменяет одного из игроков имитационной игры на компьютер. Компьютер старается ввести в заблуждение человека-судью (рис. 2). В стандартном варианте теста Тьюринга человеку-судье по ответам на вопросы необходимо определить, с кем он общается — с человеком или с компьютерной программой. Компьютер будет пытаться запутать человека-судью, чтобы тот сделал неверный выбор. Если судья не сможет определить, кто из собеседников является человеком, то машина обладает интеллектом. Общение происходит с использованием клавиатуры и монитора через промежутки времени, чтобы судья не смог сделать вывод, исходя из разницы в скорости ответов компьютера и человека (рис. 3).

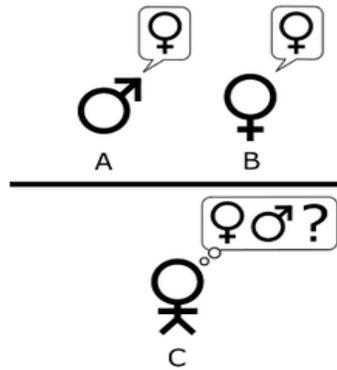

Рис. 1. Схема имитационной игры

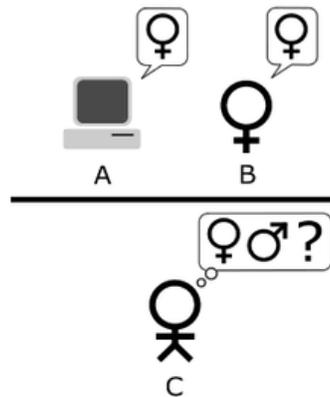

Рис. 2. Первоначальный тест на основе имитационной игры

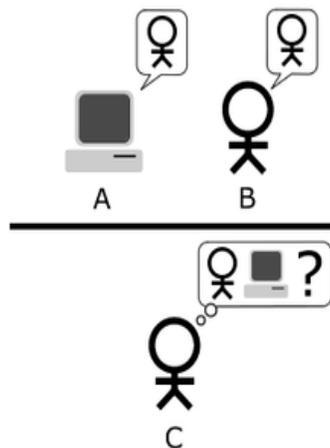

Рис. 3. Стандартная интерпретация теста Тьюринга

В 2014 году в рамках соревнования, организованного университетом в Великобритании, чат-бот под кодовым именем «Евгений Густман», представившийся тринадцатилетним подростком из Одессы, прошел тест Тьюринга и

«выиграл» у экспертов, так как в нем не смогли распознать машину. Возраст подростка был выбран неслучайно. В 13 лет он уже многое знает, но далеко не все, что усложняет задачу судей. Первая версия этого чат-бота появилась еще в 2001 году. Позднее разработчики модифицировали виртуального собеседника, обучили его подбирать примеры ответов в «Твиттере». Соревнование показало, что машина не научилась думать, а научилась обманывать людей и имитировать разговор с человеком. Исследователи в области искусственного интеллекта стали активнее заявлять, что пора дополнить тест Тьюринга новыми проверочными испытаниями, к которым машины еще не адаптировались.

Ученый-когнитивист Гэри Маркус в 2015 году организовал конференцию, посвященную вопросам искусственного интеллекта. Во время выступления на конференции он призывал оставить тест Тьюринга и придумать что-нибудь новое. Маркус выдвинул альтернативное предложение, которое опубликовал в журнале «The New Yorker». Надо создать компьютерную программу, которая после просмотра телевизионных шоу и видео на YouTube могла бы отвечать на вопросы по их содержанию. Например, могла бы объяснить, в какие моменты записи следует смеяться. Если компьютер может определить и понять юмор, сарказм и иронию, то он имеет интеллект.

На конференции было еще предложение организовать олимпиаду Тьюринга. В разных сферах (от зрения и визуального распознавания образов до распознавания речи и понимания языка) компьютеры становятся все совершеннее. Любое единичное испытание проверяет наличие интеллекта не полностью, потому что в человеческом интеллекте есть много разных элементов. Поэтому можно организовать целую серию испытаний для машины, каждое из которых будет проверять разные аспекты интеллекта.

После появления первых интеллектуальных роботов, имеющих кибернетическую обратную связь и строящих собственные динамически адаптируемые модели, операционалистский подход Алана Тьюринга стал переноситься на робототехнику — «может ли робот выполнить любое действие не хуже человека?». Список сфер деятельности искусственного интеллекта, составленный Тьюрингом (игры, криптография, изучение языков, переводы, решение математических задач), сейчас значительно увеличился. Возникло большое семейство тестов Тьюринга для попытки найти ответы на частный вопрос: может ли машина выполнить определенное действие?

А.Ю. Алексеев ввел понятие частного теста Тьюринга, который на основе тьюринговой методологии устанавливает степень «когнитивной компетентности систем различной природы — человеческих, биологических, технических, социальных» [Алексеев, 2013: 95]. Таким образом, частный тест проверяет какую-либо одну когнитивную способность машины, а комплексный тест предназначен для ответа на вопрос: может ли машина все?

Рассмотрим исторически сложившуюся совокупность частных тестов Тьюринга.

Параноидальный тест Колби. В качестве судьи выступает врач-психиатр. Двое других участников теста: параноик и компьютер, имитирующий параноика.

Тест леди Лавлейс. В 2001 году трое исследователей (П. Белло, С. Брингсджорд, Д. Феруччи) выдвинули следующую концепцию. Искусственный агент, созданный человеком-разработчиком, проходит тест тогда и только тогда, когда:

- искусственный агент создает на выходе артефакт (поэму, роман, музыкальное произведение и т. п.);
- артефакт появляется не в результате случайного стечения обстоятельств или сбоя машины;
- искусственный агент всегда может повторить создание артефакта;
- разработчик не может объяснить, как искусственный агент создал артефакт, даже при условии полной осведомленности об агенте (структуре баз данных, алгоритмах функционирования и т. д.).

Формулировка концепции предполагала следующие допущения:

- созданные на момент разработки теста программы не могут заниматься творчеством и не смогут пройти тест, потому что специфика их умозаключений известна разработчикам теста, что исключает возможность стилизации, рерайтинга и т. п.;

- компьютер должен иметь возможность автономно модифицировать, дополнять свою программу, т. е. ему должно быть доступно самообучение.

Другими словами, чтобы пройти тест леди Лавлейс, компьютер должен создать что-то оригинальное сам по себе.

Схема Винограда. Тест был создан в 2011 году и получил название в честь ученого, профессора Стэнфордского университета Терри Винограда (Terry Winograd). Схема предназначена для проверки возможности систем искусственного интеллекта при ответе на вопросы использовать здравый смысл. Для ответов на вопросы не должны требоваться специальные знания. Люди без подготовки легко могут ответить на них. Например: «Мяч не влезает в новый рюкзак, потому что он слишком большой. Что имеется в виду под «он»? Конечно же, имеется в виду мяч. Но для компьютера это не очевидно, ему в этом случае нужен большой объем общих знаний и способность рассуждать.

Схемы Винограда строятся по следующим правилам:

- во фразе два объекта, выраженные существительными;
- местоимение, которое используется во фразе по отношению к одному из двух объектов, грамматически может быть отнесено и ко второму объекту;
- задача — определить тот объект, к которому относится местоимение;
- во фразе есть «специальное слово». При его замене другим словом («альтернативное слово») грамматический строй предложения остается прежним, но смысл меняется, а значит, меняется и правильный ответ (пример — «Мяч не влезает в новый рюкзак, потому что он слишком маленький»).

Инвертированный тест Ватта. Стюарт Ватт в работе «Наивная психология и инвертированный тест Тьюринга» высказал мнение, что тест Тьюринга может пройти программы, не обладающие свойствами интеллекта, так как людям присуща естественная, наивно-психологическая установка приписывать ментальные свойства любым системам — другим людям, животным, природным явлениям, в том числе и компьютерам. Чтобы избежать этого, он предложил инвертированную версию теста Тьюринга. Судья должен быть судим. Тестированию подлежит судья, т. е. оценивается способность выносить верные суждения по ответам игроков. Вместо одного судьи теперь двое — судья-компьютер и судья-человек. Судья-человек должен сопоставлять ответы игроков «компьютера» и «человека» с решениями второго арбитра. Если судья-компьютер начинает приписывать интеллект игроку, который им не обладает, то судья-компьютер есть машина, а не человек.

Китайская комната. В 1980 году в работе «Разумы, мозги, программы» американский философ Джон Серл бросил тесту Тьюринга вызов своим мысленным экспериментом, известным как «Китайская комната». Он считал, что при проведении теста Тьюринга не существует никакой возможности отличить действительно мыслительную деятельность программы от механического исполнения правильно подготовленной инструкции. Серл утверждал, что способность компьютера вести разговор и убедительно отвечать на вопросы далеко не то же самое, что иметь разум и мыслить, как человек. Предположим, что вы заперты в комнате и не знаете китайский язык. Через щель в стене вы получаете листок с вопросами на китайском. В комнате есть инструкции, какие иероглифы использовать, в каком порядке и в каком случае, чтобы правильно составить ответ. Теоретически вы могли бы ответить на вопросы и убедить собеседников, что вы знаете китайский язык (рис. 4). Таким образом, любые манипуляции с синтаксическими конструкциями не могут приводить к пониманию.

Часть критиков согласна с утверждениями Серла, но считает, что можно достигнуть эффекта понимания, создав робота с самообучающейся программой и с сенсорами для восприятия мира. Тогда робот может познавать мир и способен обучаться, как ребенок. Следовательно, начнет понимать так же, как человек. Серл в качестве контраргумента предлагал поместить человека внутрь робота. Человек в зависимости от увиденных через сенсоры иероглифов выполнял бы движение телом робота. При этом не возникло бы никакого понимания происходящего, а человек лишь выполнял бы синтаксические манипуляции над символами.

Рис. 4. Иллюстрация мысленного эксперимента «Китайская комната»

Психофункциональный тест Блока. Н. Блок скептически высказывался о классическом тесте Тьюринга, утверждая, что игра в имитацию является разновидностью оценки поведения в контексте лингвистического бихевиоризма. Н. Блок предполагал проверку способности интеллектуальных вербальных

реакций на вербальные стимулы. При создании машины, способной к этому, разработчики будут задавать поведение машины, т. е. ее «интеллект» есть интеллект разработчиков. Если библиотека правильных ответов будет достаточно велика, то любой вопрос судьбы не поставит машину в тупик. Единственный способ различить компьютер и человека будет «анатомический» по принципу «вскрытие покажет».

Тест Френча. Идея сформулирована Р. Френчем в 1990 году в работе «Субкогнитивные способности и границы теста Тьюринга». Автор утверждал, что тест Тьюринга не способен исследовать глубинные, подсознательные области человеческого интеллекта. В тест Тьюринга следует включить субкогнитивные вопросы, позволяющие, например, идентифицировать подсознательную сеть ассоциаций. Следует заметить, что тест Френча — это не тест на интеллект «вообще», а тест на социокультурную обусловленность человеческого интеллекта.

Тест Харнада. В 2001 году в работе «Разумы, машины и Тьюринг: неразличимость неразличимости» Харнад рассматривает пять уровней тестирования.

Уровень первый — неразличимость человека и компьютера в локальной задаче, например в настольной игре.

Уровень второй — неразличимость человека и компьютера в вербальном диалоге (классический тест Тьюринга).

Уровень третий — неразличимость сенсорно-моторных действий робота и манипуляций человека с предметами, отсутствие различий в процессе общения.

Уровень четвертый — неразличимость на уровне внешних действий и внутренних структур, функций робота, включая нервную систему (искусственный сапиенс).

Уровень пятый — искусственный человек, неотличимый от естественного ни в чем, включая атомы и молекулы.

Комплексный тест Тьюринга — Алексева. В 2006 году А. Ю. Алексева предложил комплексный тест, который за счет совмещения коннекционистской и символьной парадигм искусственного интеллекта на базе машины С. Н. Корсакова тестирует весь спектр когнитивных возможностей. В этом тесте проверяется возможность имитации машиной когнитивного поведения, схожего с человеком, в искусственных мирах. Комплексный тест Тьюринга — Алексева предполагает симуляцию виртуального мира, в котором виртуальный сапиенс проходит тестирование во всех аспектах когнитивного взаимодействия с симуляцией.

Тесты Брукса. В 2018 году Р. Брукс предложил рассматривать в качестве показателя технологического достижения в области искусственного интеллекта и робототехники способности ребенка. Интеллектуальный робот на уровне двухлетнего ребенка должен распознавать объекты, понимать речь на уровне четырехлетнего ребенка, шестилетний ребенок — эталон для уровня ловкости рук и моторики, как восьмилетний ребенок должен владеть навыками социальной коммуникации.

Тест Э.ЛЕНА. В Лаборатории робототехники Сбербанка в 2019 году была создана платформа, названная «Э.ЛЕНА — Электронная Лена». Она преобразовывает текст в видеоизображение теледиктора. Исследователи предлагают тест на сравнение цифрового теледиктора с диктором-человеком.

Тест ImageNet. В 2006 году Ф. Ли предложил использовать огромную базу данных изображений ImageNet для тестирования качества распознавания

образов. В 2012 году произошел прорыв благодаря использованию нейронных сетей глубокого обучения, и сейчас распознавание образов на этой базе превзошло человеческие возможности.

Игровые тесты. А. Ю. Алексеев считает, что игры являются важнейшим аспектом тестового функционализма [Алексеев, 2013]. Например, компании Google (DeepMind) и OpenAI активно используют компьютерные игры для испытаний нейросетевых моделей, включая обучение с подкреплением и обучение без учителя.

Тесты NIST. Национальный институт стандартов и технологий США (NIST) тестирует способности компьютера по распознаванию звука. Голос и распознавание звуков, как и распознавание образов, — важная часть когнитивного инструментария человека.

Тест Ишигуро. Японский исследователь-робототехник Х. Ишигуро видоизменяет тест Тьюринга. Судья выносит свой вердикт не на основе символьного диалога с машиной, а на основе аудиовизуального взаимодействия с роботом-андроидом.

Тест Зимнего города. Конкурс «Зимний город» для беспилотных транспортных средств стартовал в России в 2019 году. Тест проверяет, что автомобиль под управлением интеллектуального робота более безопасен, чем под управлением человека.

Тесты роботов DARPA. Агентство Передовых Оборонных Исследований США организовало конкурс DARPA Robotics Challenge. На конкурсе роботам предлагались сложные манипуляционные и когнитивные задачи, имитирующие действия человека при ликвидации стихийного бедствия.

А.Р. Ефимовым была предложена методологическая классификация тестов Тьюринга в соответствии с двумя измерениями [Ефимов, 2020]. На рисунке 5 частные тесты расположены на плоскости по отношению к осям вербальное-невербальное и виртуальное-физическое. В данной плоскости можно выделить четыре области. Рассмотрим их подробнее.

Вербальное взаимодействие в виртуальном мире. Мы можем увидеть, что большинство тестов расположено в этом квадранте. Объяснение этого факта связано с тем, как происходило развитие информационных технологий и исследований в области искусственного интеллекта. Человек в этих тестах действует в виртуальном мире своего воображения и компьютерной программы. Интерфейс стандартный: экран, клавиатура, мышка. Общение пользователя с банковской программой является примером подобного взаимодействия.

Вербальное взаимодействие в физическом мире. Тестов, основанных на демонстрации вербального взаимодействия искусственного интеллекта и человека в физическом мире, относительно мало. Примеры аналогичного взаимодействия: голосовые команды звуковым колонкам, пылесосам и т. п.; аудиосообщения от терминалов или банкоматов человеку.

Невербальное взаимодействие в виртуальном мире. Опять же история становления исследований искусственного интеллекта и развития технологий в данной области дает ответ на вопрос, почему этот квадрант заполнен тестами, предложенными относительно недавно. Распознавание образов, их синтез активно развиваются в последнее время. Примеры невербального взаимодействия в виртуальном мире: поединки между игровыми персонажами в компьютерных играх, действия и/или эмоции виртуальных аватаров.

Невербальное взаимодействие в физическом мире. Исследователи долгое время не предлагали тесты, попадающие в эту область. Создаваемое людьми виртуальное пространство обладает исчисляемыми, программируемыми характеристиками. На этом фоне реальность неисчерпаема, резко возрастает роль случайности. Этот квадрант области тестов является самым сложным. Взаимодействие в нем зависит от сочетания технологий искусственного интеллекта и робототехники. Примеры из этой области: робот должен перемещаться по квартире или больничному коридору, передавать людям предметы и принимать их от человека.

Вербальное взаимодействие

Тест Колби	Тест Лавлейс	Тест Ватга
Тест Тьюринга	Тест Винограда	Тест Серла «Китайская комната»
Тест Френча	Тест Блока	Тест Брукса-2. Понимание языка на уровне 4-летнего ребенка

Тест Харнада	Тест Алексеева
Тест Брукса-4. Социальные навыки на уровне 8-летнего ребенка	

Виртуальный мир

Физический мир

Тест Э.ЛЕНА	Игровые тесты	Тест ImageNet
Тест NIST	Тест Брукса-1. Распознавание объектов на уровне 2-летнего ребенка	

Тест Ишигуро	Конкурсы роботов, подобные DARPA Robotics Challenge
«Зимний город» Конкурс беспилотных автомобилей	Тест Брукса-3. Манипуляция объектами на уровне 6-ти летнего ребенка

Невербальное взаимодействие

Рис. 5. Пространство тьюрингоподобных тестов

Определение и описание пространства тьюрингоподобных тестов дает возможность рассмотреть некоторые особенности этого пространства сквозь оптику существующих эпистемологических концепций.

А. Р. Ефимов соотносит все пространство частных тестов Тьюринга с понятием техно-умвелт [Ефимов, 2013]. Все созданные ранее или создаваемые в будущем частные тесты Тьюринга образуют пространство человеко-машинного взаимодействия и попадают в какой-либо из четырех техно-умвелтов:

- виртуальное-вербальное;
- виртуальное-невербальное;
- физическое-невербальное;
- физическое-вербальное.

Подобная конструкция была рассмотрена В. Г. Будановым [Буданов, 2016]. Он разделяет умвелты на четыре вида: природный, сетевой, виртуальный, техносредовый.

В его диссертационном исследовании содержится утверждение, что Стена Тьюринга (разделяет судью и объекты испытания — человек или компьютер, робот) является фундаментальным философско-методологическим барьером развития интеллектуальной робототехники [Ефимов, 2020]. Она позволяет разработчикам пренебрегать всеми техно-умвелтами взаимодействия человека и робота, кроме одного — виртуально-вербального. Однако до тех пор, пока робот остается отделен от человека и от мира стеной, он не способен полноценно взаимодействовать с ними и подлинная интеллектуальность машины подменяется сложностью реализуемых ею функций. Деятельность человека и робота противопоставляется в их сравнении. Эта ситуация заставляет исследователей разрабатывать и реализовывать только те задачи, которые могут быть решены роботом в полном отрыве от человека. Однако современные исследования человеко-машинного взаимодействия говорят о том, что максимальный эффект от использования интеллектуальных роботов достигается при коллаборации человека и машины. Автор призывает «ломать стену» и переходить к новой посттьюринговой методологии.

Второй аспект проблемы асимметричности взаимодействия человека и интеллектуального робота состоит в том, что в результате чрезмерного, контрпродуктивного разделения функций человек начинает полагаться на интеллектуального робота, искусственный интеллект во всем и утрачивает собственную целостную картину мира и собственное целеполагание. Этот эффект мы можем наблюдать уже сегодня. При символической человеко-машинной коммуникации люди могут утрачивать навыки запоминания информации, формулировки ответов при очевидных посылках.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что анализ текущего состояния, перспектив и барьеров развития искусственного интеллекта позволяет по-новому подойти к разработке когнитивных архитектур для технологий интеллектуальной робототехники. При этом сложные робототехнические системы недостаточно рассматривать только в техническом плане. Они приобрели социокультурное измерение, необходимо их изучение с учетом социальных ценностей, мировоззренческих ориентиров и иных составляющих духовной сферы.

Библиографический список / References

Алексеев А. Ю. Комплексный тест Тьюринга: философско-методологические и социокультурные аспекты. М.: ИИнтелл, 2013. 304 с.

(Alekseev A. Yu. *Comprehensive Turing Test: Philosophical, methodological and socio-cultural aspects*, Moscow, 2013, 304 p. — In Russ.)

Буданов В. Г. Новый цифровой жизненный техноуклад — перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. № 6. С. 47—55.

(Budanov V. G. A new digital technological way of life — prospects and risks of transformations of the anthroposphere, *Philosophical sciences*, 2016, no. 6, pp. 47—55. — In Russ.)

Ефимов А. Р. Философско-методологические основы посттьюринговой интеллектуальной робототехники: дис. ... канд. филос. наук. М., 2020. 165 с.

(Efimov A. R. *Philosophical and methodological foundations of post-turing intelligent robotics: Dissertation Candidate of Sciences (Philosophy)*, Moscow, 2020, 165 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Огурцова Елена Юрьевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры математики, информатики и методики обучения, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, ogurcova-elena@mail.ru

Ogurtsova Elena Yurievna — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Mathematics, Informatics and Teaching Methods, Ivanovo State University (Shuya branch), Shuya, Russian Federation, ogurcova-elena@mail.ru

Фадеев Роман Николаевич — студент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия, fadeevroman.shua@gmail.com

Fadeev Roman Nikolaevich — Student, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir, Russian Federation, fadeevroman.shua@gmail.com

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ: ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46724/NOOS.2022.3.47-53

В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская

АЛЬТЕРНООСФЕРНАЯ ТЕМА В ПОЗДНЕМ НАСЛЕДИИ РЕНЕ ГЕНОНА: АНТИТРАДИЦИОННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ VS ПОДЛИННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Аннотация. В центре внимания авторов статьи — финал знаменитой книги Рене Генона «Символы священной науки», подвергаемый герменевтическому анализу. Осуществлено сопоставление традиционной и подлинной цивилизаций. Последняя изображена в характерологических чертах универсального торжества умной сферы, весьма близких к ноосферному состоянию антропокосмической среды. Прочерчена связь ноосферного дискурса с эволюционизмом Нового времени. Раскрыта специфика альтерноосферного сознания Рене Генона. Проведены параллели между воззрениями Рене Генона на «другое человечество» и исторической динамикой в трудах отца Сергия Булгакова «Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования)», Николая Бердяева («Экзистенциальная диалектика Божественного и Человеческого»), Карла Ясперса («Истоки истории и её цель»), Арнольда Тойнби («Цивилизация перед судом истории»), Мартина Хайдеггера («Европейский нигилизм»).

Ключевые слова: космос, небо, земля, сфера, куб, океан, символизм, эоничность

Ссылка для цитирования: Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Альтерноосферная тема в позднем наследии Рене Генона: антитрадиционная цивилизация vs подлинная цивилизация // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 47—53.

Original article

V. P. Okeanskiy, Zh. L. Okeanskaya

ALTERNOOSPHERIC THEME IN THE LATE HERITAGE OF RENÉ GUÉNON: ANTI-TRADITIONAL CIVILIZATION VS TRUE CIVILIZATION

Abstract. The focus of the authors of the article is the finale of the famous book by Rene Guenon "Symbols of Sacred Science", subjected to hermeneutic analysis. Comparison of traditional and civilization and true civilization is carried out. The latter is depicted in the characterological features of the universal triumph of the smart sphere, very close to the noospheric state of the anthropocosmic environment. The connection between the noospheric discourse and the evolutionism of modern times is drawn. The specifics of René Guénon's alternoospheric consciousness are revealed. Parallels are drawn between the views of René Guénon on

---

© Океанский В. П., Океанская Ж. Л., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 47—53 •

the “other humanity” and the historical dynamics in the works of Sergius Bulgakov (“The Apocalypse of John (Experience of Dogmatic Interpretation)”), Nikolai Berdyaev (“The Existential Dialectics of the Divine and the Human”), Karl Jaspers (“The Origins of History and its goal”), Arnold Toynbee (“Civilization before the court of history”), Martin Heidegger (“European nihilism”).

Keywords: space, sky, earth, sphere, cube, ocean, symbolism, enicity

Citation Link: Okeanskiy, V. P., Okeanskaya, Zh. L. (2022) Al'ternoosfernaya tema v pozdnem nasledii Rene Genona: antitraditsionnaya tsiviliza-tsiya vs podlinnaya tsivilizatsiya [The alternospheric theme in the late heritage of René Guénon: anti-traditional civilization vs. true civilization], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 47—53.

В самом конце последнего раздела с характерным названием «Божественный град» знаменитой книги «Символы священной науки» (1950), собранной из статей разных лет и подводящей черту долгому пути, Рене Генон (1886—1951) ставит вопрос о «праве говорить о ”цивилизации“»: «... всё, именуемое так в современном мире, — пишет он, — всё, притязающее даже быть ”цивилизацией“ по преимуществу есть только карикатура на неё, а часто даже и её противоположность во многих отношениях. Антитрадиционная цивилизация, подобная этой, в действительности не только не заслуживает такого имени, но она есть даже, по всей строгости, противоположность подлинной цивилизации» [Генон, 1997: 490].

Нас будет интересовать важнейший проблемный узел, который связан с этим заключительным фрагментом указанной книги. Автор изображает «традиционную цивилизацию», т. е. «должное», от которого существенно отстоит нынешнее «сущее», в характерологических чертах торжества умной сферы, хотя и антипрогрессистских по сути своей, учитывая усложненный геноновский цикл, но тем не менее весьма близких к ноосферному состоянию антропокосмической среды. А потому, подразумевая очевидную связь ноосферного дискурса с эволюционизмом Нового времени, мы предпочтем говорить здесь именно об альтерноосферной теме и даже альтерноосферном сознании Генона, наиболее основательно выраженном в другой его поздней книге, которая писалась им в течение всей Второй мировой войны, — «Царство количества и знамения времени» (1945), и являет, по нашему абсолютному убеждению, знаковую вершину не только собственно геноновского наследия, но и всей западной интеллектуальной культуры середины XX века наряду с такими яркими историософскими трудами, как «Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования)» отца Сергия Булгакова, «Экзистенциальная диалектика Божественного и Человеческого» Н. А. Бердяева, «Истоки истории и её цель» К. Ясперса, «Цивилизация перед судом истории» А. Дж. Тойнби, «Европейский нигилизм» М. Хайдеггера.

Все перечисленные авторы принадлежат западной, в широком смысле — христианской, согласно Генону, цивилизационной традиции, однако являют ее в глубоко кризисной и даже катастрофической фазе. Вместе с тем все они, хотя и каждый по-своему, свидетельствуют о тревожном стоянии человечества «на пороге новой мировой эпохи», когда «предстоит ещё вселенский период истории» [Бердяев, 1996: 217]. Как его следовало бы правильно понимать? — это открывается, очевидно, далеко не сразу: как их современникам, ринувшимся в последующие годы на «покорение космоса», так и их ближайшим потомкам, включая

нынешние поколения людей... «Мы мечтаем, — вопрошал ещё Новалис, — о путешествии во вселенную: но разве не заключена вселенная внутри нас? Мы не знаем глубин нашего духа. Именно туда ведёт таинственный путь. В нас самих или нигде заключается вечность с её мирами, прошлое и будущее. Внешний мир — это мир теней, он бросает свою тень в царство света» [Новалис, 1990: 71].

Андрей Тарковский, выступая перед немецкими зрителями в марте 1973 года в Восточном Берлине, высказывается в пользу своеобразного мистического геоцентризма, весьма близкого идеям «обратной перспективы» и в целом отцу Павлу Флоренскому, труды которого, по устным воспоминаниям режиссера Евгения Цымбала в дружеских беседах с нами, автор «Сталкера», как и предвещающего «Соляриса», внимательно читал: «У Лема совершенно нет Земли, у него совершенно иначе решён финал... В определенном смысле, в отличие от Лема, нам хотелось не столько посмотреть на космос, сколько из космоса на Землю. То есть, преодолев какой-то новый рубеж, взглянуть опять на самое начало — в духовном и моральном, нравственном аспекте».

Современник космиста К. Э. Циолковского, согласно которому «человечество не останется вечно на земле», Рене Генон отмечал в этой связи: «Мы не утверждаем, что межпланетное сообщение невозможно; мы говорим только, что эти шансы могут выражаться только бесконечно малой с несколькими степенями, и что если ставить вопрос для определённого случая, как в случае Земли и другой планеты Солнечной системы, почти не рискуешь ошибиться, рассматривая их как практически нулевые» [Генон, 2015: 202]; он же говорил о «заблуждениях, которые испытывают некоторые учёные в отношении межпланетных сообщений»: «...эти заблуждения берут начало из ошибки, ...которая заключается в перенесении на всё чисто земных представлений» [там же: 203].

Генон разворачивает совершенно иные — сакрально-архаические — представления о природе космоса: «...идея меры состоит в тесной связи с идеей "порядка" (на санскрите *rita*), который соотносится с созданием проявленного универсума, согласно этимологическому смыслу греческого слова *κόσμος*, это создание "порядка" из "хаоса"; "хаос" это, в платоновском смысле слова, неопределённое, "космос" — определённое. Это создание уподобляется всеми традициями "освещению" ("Да будет свет" Творения, *Fiat Lux*), "хаос" же символически отождествляется с "мраком": это потенция, исходя из которой "актуализируется" проявление, то есть, в конечном итоге, субстанциальная сторона мира, которая, таким образом, описывается как тёмный полюс существования, тогда как сущность есть его светлый полюс, потому что именно его влияние действительно освещает "хаос", чтобы извлечь из него "космос"... Санскритское слово *rita* по своему корню родственно латинскому *ordo*, и вряд ли надо добавлять, что оно еще тесней связано со словом *rite* (ритуал): этимологически ритуал есть то, что исполняется согласно "порядку" и что, следовательно, имитирует или воспроизводит на своём уровне тот же процесс проявления; именно поэтому в строго традиционной цивилизации всякое действие, каким бы оно ни было, обладает по существу ритуальным характером» [Генон, 1994: 29]. Согласно Генону, «мир вовсе не является... вечным, так как существуют ещё вневременные начала; мир не вечен, потому что он случаен, или, другими словами, он имеет начало, так же, как и конец, потому что он не есть сам в себе свой собственный принцип или он не содержит его в самом себе, но этот принцип с необходимостью ему трансцендентен. Во всём этом нет никакой трудности; большая же

часть рассуждений современных философов состоит из плохо поставленных и, следовательно, неразрешимых проблем...» [там же: 39]. Генон особо подчеркивает, что и «самые обычные действия существования всегда имеют в себе что-то "религиозное"... ..религия вовсе не есть что-то узкое и тесно ограниченное, находящееся в стороне, без всякого действительного влияния на всё остальное, каковой она является для современных западных людей (для тех, по меньшей мере, которые ещё соглашаются принимать религию); напротив, она пронизывает всё существование человеческого существа...» [там же: 59].

В геноновских мыслях мы легко опознаем контуры космологической теории Большого взрыва и расширяющейся Вселенной, во всяком случае — типологически близкие этому типу рефлексии, что наводит нас на мысль о возможной виртуально-инициативной инспирации, лежащей в основании последней, ибо, начиная с названия книги «Мир как пространство и время», фридамановская теория отвечает ему: «"Творение" как разложение "хаоса", — пишет Генон, — в определённом смысле "мгновенно"; это, собственно, и есть библейское "Да будет Свет"; но в самом начале "космоса" находится поистине сам Первичный Свет, то есть "чистый дух", в котором заключены сущности всех вещей, начиная с которого проявленный мир может в действительности идти лишь всё больше и больше ниспадая к "материальности"» [там же: 85]. Вопреки собственной критике бергсоновского витализма, Генон мог бы кое-что близкое себе почерпнуть из метафизического арсенала автора «Творческой эволюции», особо подчёркивавшего: «...здесь, в настоящем труде, (...) мы определили материю, как некоторый упадок и рассеяние...» [Бергсон, 1999: 304].

Для Генона этот «основной вопрос философии» совершенно принципиален в силу отмеченной духовной деградации реальности в сторону ее углубляющейся материализации: «...учёный, в современном смысле этого слова, даже если он не разделяет материалистического убеждения, тем сильнее будет под его влиянием, что всё его образование направляет его по этому пути» [Генон, 1994: 103]; «...за редким исключением, человек, объявляющий себя христианином, не преминет вести себя фактически как если бы не было никакой иной реальности, кроме одного телесного существования, и "занимающийся наукой" священник почти ничем не отличается от университетского материалиста...» [Генон, 1994: 104]. В качестве параллели можно было бы привести изысканное размышление О. Шпенглера о несовместимости священника и социального психолога на страницах «Заката Европы», но это отвлекло бы нас от главной темы...

Генон говорит о «вырождении денег» [там же: 110], в которых изначально качественная сторона доминировала над количественной и в разговорном употреблении орел оказывался явно предпочтительнее решки, фиксируя не столько знаки деловой полезности, сколько семиосферу онтологической принадлежности.

В главе «Отвердение мира» автор отмечает, что «человеческий и космический порядки в реальности вовсе не отделены» [там же: 116], хотя происходит «нечто вроде прогрессирующей "материализации" самой космической среды» [там же: 117], и человек отчуждается от сакрального космоса, порождая образ холодного всепоглощающего пространства и чёрного вампирического мироздания, более напоминающего хаос, нежели космос... Рождается определённая «научная мифология» [там же: 123] — здесь могли бы послужить яркими параллельными местами знаменитые лосевские фрагменты в «Диалектике мифа» и «Философии имени»... Генон пишет об этом более емко и, по сути, примерно

так же, как Лосев: «...возникла настоящая ”мифология“, конечно, не в первоначальном и трансцендентном смысле истинных традиционных ”мифов“, но просто в ”уничжительном“ значении, которое это слово приняло в повседневном языке. Можно привести большое число примеров этого; один из самых поразительных и самых ”актуальных“, если можно так сказать, это создание ”воображаемого мира“ атомов и многочисленных элементов различного рода, на которые они окончательно разложились в последних физических теориях...» [там же: 125].

В сфере гуманитарного знания Геноном фиксируется четкий историографический горизонт, в принципе совпадающий с весьма своеобразной культурной «точкой» разложения мифологического сознания и рождения философии в ранней досократовской античности: «...в VI веке до начала христианской эры... начинается то, что, в согласии с современными концепциями, можно назвать историей в собственном смысле слова», а глубже этого рубежа «нет никакой надёжной хронологии» [там же: 135]. Метаисторический план существования отнюдь не лишен темпоральности, однако представляет собою в большей мере символическую неградуированную реальность, связанную с фундаментальным поворотом «от сферы к кубу»: «сфера есть прежде всего первичная форма, — указывает Генон, — сферические или круглые формы соответствуют Небу, а кубические и квадратные — Земле» [там же: 140].

В главе «Значение металлургии» отмечается, что «потребление металла в ходе современных войн поистине невероятно» [там же: 157]; однако же сами «металлы, в виду их соответствия звёздам, суть в некотором смысле ”планеты низшего мира“» [там же: 158]; автор говорит в этой связи «об отражении в низшем плане, который очень ясно представляют металлургические шахты внутри земли», указывая, что «с традиционной точки зрения металлы и металлургия находятся в прямом отношении с ”подземным огнём“, идея которого во многих отношениях ассоциируется с огнём ”инфернального мира“» [там же: 159]. Интересно здесь вспомнить строки из знаменитой в советские времена песни Владимира Высоцкого «Черное золото», отражающей эпатазирующее всякое воображение самомнение прогрессистки настроенного современного человека: «Мы топливо отнимем у чертей — свои котлы топить им будет нечем!»

Генон отмечает, что «современные люди живут с большей скоростью» [там же: 164], нежели предшествующие поколения, прошедшие по земле; при этом опространстливается и даже останавливается, замирая, само вроде бы немолимо ускоряющееся время. Однако же «превращение времени в пространство, собственно говоря, реализуемо лишь в ”конце мира“» [там же: 166], «все вещи там появляются в совершенной одновременности в неподвижном настоящем через посредство силы ”третьего глаза“, с помощью которого человеку открыт ”смысл вечности“» [там же: 169]. Такая космологическая синхронизация мира предваряется глобальной планетарной катастрофой, сопровождаемой древними эсхатологическими знаменами...

Важно отметить, что в книге Генона «Шаманизм и колдовство» [там же: 182] подвергнуты жесткой критике и объяснены как «психические остатки» и «следы исчезнувших цивилизаций» [там же: 190—191]; автора совершенно невозможно уличить в симпатиях к любым формам оккультизма, если добросовестно читать его труды. Однако бессмысленно и некорректно было бы спрашивать о метафизической системе Рене Генона, ибо, согласно его собственному

положению, «символизм никогда не может быть ”систематизирован“» [там же: 207] — в известном смысле его миропонимание ближе к известным традициям апофатической теологии.

Генон высказывает сожаление о том, что различные современные философии «располагают всю реальность исключительно в ”становлении“, что является категорическим отрицанием всякого неподвижного принципа и, следовательно, всякой метафизики», а сами философы «хотят свести религию к чисто человеческому факту» [там же: 227]. В связи с последним Генон указывает на повсеместное современное «смещение психического и духовного» [там же: 242]: «Совершающие эту фатальную ошибку... вместо того, чтобы возвыситься к Океану наверху, они низвергаются в бездны Океана внизу» [там же: 248]; поэтому гибельная «”контртрадиция“ никогда не может быть ничем иным, кроме пародии» [там же: 271], а «”конец мира“ никогда не есть и никогда не может быть чем-нибудь другим, кроме как концом иллюзии» [там же: 289].

У современников Генона — отца Сергия Булгакова и Н. А. Бердяева — историческую динамику сотериологически определяет богочеловеческая встреча во Христе и духовная элевация, драматически отворяющая перспективу вечного пакибытия; у К. Ясперса и А. Дж. Тойнби — осевая структура дохристианских вторичных цивилизаций, осуществивших катастрофический разворот человечества, оставившего, как сказал бы М. Элиаде, «рай архетипов», к бесконечному трансцендентному апофатическому истоку; у М. Хайдеггера же — сам нигилизм предстает как многотысячелетнее всемирно-историческое движение народов земли, втянутых в зону влияния таинственного вечернего Запада. В рефлексии над масштабами историзма М. Хайдеггер, пожалуй, приближается к геноновской восточной эзотерической хронологии Манвантары, состоящей из четырех последовательно убывающих Юг, подчиненных пропорциональному десятиричному принципу: $4 + 3 + 2 + 1 = 10$. Между тем все эти мыслители середины XX столетия фиксируют приближение некоего решающего порога, за которым, говоря словами Генона, «будет начало другой Манвантары и существования другого человечества» [там же: 147].

Не к тому ли же самому геноновскому «другому человечеству» обращены и впечатляющие вопрошания М. Хайдеггера в работе «Изречение Анаксимандра», где явно просматриваются контуры определенной эзотерической эзотерики: «Не стоим ли мы в предвечерье наиболее чудовищной перемены всей земли и того времени исторического пространства, в котором держится эта земля? Не стоим ли мы в вечернем кануне некоторой ночи перед какой-то иной утренней ранью? Не для того ли мы вышли в путь, чтобы иммигрировать в историческую страну вечернего заката Земли? Не восходит ли ещё только эта страна закатного Запада? Не становится ли только ещё этот Запад от Окцидента до Ориента, включая всю так называемую Европу, местностью грядущего изначально вершимого свершения? Не принадлежим ли мы Западу в некотором смысле, который только еще восходит в нашем переходе к ночи мира? Как все эти, одной только исторической науке известные философии исторического свершения, лишь ослепляющие обозримостью историко-научно преподнесённого материала, могут объяснить нам историю-свершение, если они не будут мыслить фундаменты своих объяснительных оснований из существа свершения, а последнее — из самого бытия? Точно ли мы последыши, как это есть? А не равно ли мы предтечи утренней рани совершенно иного мирового века, который оставил за

собой наши сегодняшние историко-научные представления об историческом свершении?» [Хайдеггер, 1991: 31—32].

Библиографический список / References

- Бергсон А. Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. С. 8—412.
(Bergson H. Creative evolution, in Bergson H. *Creative evolution. Matter and memory*, Minsk, 1999, pp. 8—412. — In Russ.)
- Бердяев Н. А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологемы к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996. С. 157—326.
(Berdyayev N. A. On the threshold of a new era, in Berdyayev N. A. Truth and revelation. Prolegomena to the Critique of Revelation, St. Petersburg, 1996, pp. 157—326. — In Russ.)
- Генон Р. Царство количества и знаменья времени. М.: Беловодье, 1994. 304 с.
(Guenon R. *The Reign of Quantity and Signs of the Times*, Moscow, 1994, 304 p. — In Russ.)
- Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 1997. 496 с.
(Guenon R. *Symbols of Sacred Science*, Moscow, 1997, 496 p. — In Russ.)
- Генон Р. Заблуждение спиритов. Калининград: Б. и., 2015. 428 с.
(Guenon R. *The Spiritist Fallacy*. Kaliningrad, 2015, 428 p. — In Russ.)
- Новалис. Фрагменты // Зарубежная литература XIX века. Романтизм: Хрестоматия историко-литературных материалов. М.: Высшая школа, 1990. С. 57—72.
(Novalis. Fragments, in *Foreign literature of the nineteenth century. Romanticism*, Moscow, 1990, pp. 57—72. — In Russ.)
- Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. С. 28—67.
(Heidegger M. The saying of Anaximander, in Heidegger M. *Conversation on a country road: Selected articles of the late period of creativity*, Moscow, 1991, pp. 28—67. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Океанский Вячеслав Петрович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, ocean_65@mail.ru

Okeansky Vyacheslav Petrovich — Dr. Sc. (Philology), Head of the Department, Ivanovo State University (Shuya Branch), Shuya, Russian Federation, ocean_65@mail.ru

Океанская Жанна Леонидовна — доктор культурологии, профессор, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Иваново, Россия, ocean_2004@mail.ru

Okeanskaya Zhanna Leonidovna — Dr. Sc. (Culturology), Professor, Ivanovo Fire and Rescue Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia, Ivanovo, Russian Federation, ocean_2004@mail.ru

ПЕРЕВОДЫ

Научная статья
УДК 81:1
DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.54-65

Ю. Трабант

ЯЗЫК И РЕВОЛЮЦИЯ¹

Аннотация. В статье рассмотрен феномен гильотины в контексте мировоззрения Французской революции через призму философской антропологии. Показана сложная дополнительность языка и мышления. Зафиксированы философский и филологический модусы отношения к языку в культуре. Раскрыт смысл антиномии языкового разума. Прослежена социально-политическая динамика языка в рамках Французской революции, закономерно завершившаяся его революционизацией и возникновением универсального языка. Следан вывод, что Франция первой совершила глобальную лингвистическую революцию, сделав свой язык всемирным.

Ключевые слова: язык, языковой разум, языковое мышление, революция, гильотина, Просвещение, правильный язык, универсальный язык, глобальная лингвистическая революция

Ссылка для цитирования: Трабант Ю. Язык и революция [перевод А. Н. Портнова] // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 54—65.

Original article

J. Trabant

LANGUAGE AND REVOLUTION

Abstract. The article considers the phenomenon of the guillotine in the context of the worldview of the French Revolution through the prism of philosophical anthropology. The complex complementarity of language and thinking is shown. Philosophical and philological modes of attitude to language in culture are fixed. The meaning of the antinomy of linguistic reason is revealed. The socio-political dynamics of the language is traced within the framework of the French Revolution, which naturally ended with its revolutionization and the emergence of a universal language. The conclusion is drawn that France was the first to make a global linguistic revolution, making its language global.

Keywords: language, language mind, language thinking, revolution, guillotine, Enlightenment, correct language, universal language, global linguistic revolution

Citation Link: Trabant J. (2022) Yazyk i revolyutsiya [perevod A. N. Portnova] [Language and revolution: guillotine and language], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 54—65.

© Портнов А. Н., перевод на русский язык, 2022

¹ Перевод выполнен по изданию: Trabant, J. (2003). Sprache und Revolution, *Linguistik Online*, 13 (1). URL: <https://doi.org/10.13092/lo.13.883>.

• Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 54—65

Гильотина и язык. Гильотина — революционный прибор, драматически отсылающий нас к теме языка в эпоху революции, а именно — эта та смертельная опасность, которая грозит языку в революционном процессе. Гильотина содержит в себе основные принципы революции. Во-первых, гильотина, по сравнению с костром, виселицей или четвертованием, — прогрессивна (*le progrès*). Во-вторых, обезглавливание — аристократический способ отправиться в мир иной, который в эпоху революции становится общедоступным (*la République*). Кроме того, с помощью гильотины можно быстро отправить на тот свет большое количество людей. Поэтому гильотина вдвойне демократична. В-третьих, и это нас интересует здесь в первую очередь, гильотина служит для наказания преступлений против революции как раз в том месте, где они зарождаются, — в голове. То, что противопоставляет себя прогрессу и республике, находится именно в головах людей: предрассудки (*le préjugé*). Ясный свет Просвещения призван устранить это. *Le préjugé* — это затмение мышления, которое Просвещение хотело бы изгнать с помощью ясного света. Гильотина — последнее средство устранить в головах ложное, дикое мышление. Если больше ничто не помогает, то гильотина удаляет темноту и дикость мышления.

У французских революционеров язык находится в центре триады, образуемой Прогрессом, Демократией и Просвещением. Но он же являет собой проблему, затруднение для прогресса, демократии и просвещения. Французские интеллектуалы, столпы французской революции, глубоко убеждены, что язык и мышление теснейшим образом связаны друг с другом, поэтому в воплощении научно-философского мышления, которого требовала французская революция, язык играет центральную роль и, следовательно, он требует особого внимания. Если язык влияет на мышление и наоборот, то эта проблема должна получить правильное решение, чтобы стало возможным достижение истинного знания, осуществление науки и революции. Очищение языка — одновременно и есть тот способ, которым достигается просвещение голов и тем самым создание просвещенных обстоятельств в политической реальности.

Язык, таково убеждение просвещенных французских интеллектуалов, не только средство для обозначения мыслей и сообщения их другим. Таково было распространенное классическое понимание природы языка в Европе начиная с Аристотеля, за него еще держались старомодные рационалисты, то был лингвистический *Ancien Régime*. Согласно новым теориям, язык встроен в человека гораздо глубже и опаснее, глубже — потому, что он не только материальное средство коммуникации, но сам и есть мышление, а опаснее — потому, что мышление, привязанное к языку, — не рационально и не научно. Это устарелое и дикое мышление, которое к тому же отличается в зависимости от используемого языка. Согласно устарелым теориям, язык не представлял никакой проблемы для науки, ведь он служил для передачи мыслей, которые возникли без его участия. Теперь же оказывается, что язык вмешивается в мышление. Все люди, озабоченные прогрессом науки, *advancement of science*, по Бэкону, отцу-основателю Просвещения, должны следить за тем, чтобы это мышление, порожденное языком, не влияло на истинность научного мышления.

Язык и мышление. Представление о том, что язык и мышление тесно связаны друг с другом, является сравнительно новым; оно начало развиваться вместе с гуманизмом. Вероятно, можно было бы сказать, что в античности к этой интуиции наиболее близко подошла риторика (или рефлексия над языком в

стиле риторики Цицерона). Философия же, то есть Аристотель, чей «Органон» и его вторая часть «Об истолковании» определяли европейское мышление в течение многих столетий, учила, что все люди мыслят одинаково, что они образуют одинаковые понятия о вещах и обозначают эти универсальные мысли с помощью слов, чтобы сообщать их другим. Слова — это только звуки (*phonaí, voces*), они различаются от языка к языку и в силу традиции (*kata synthéken*) связываются с универсальными представлениями. Они только знаки, и в качестве таковых не представляют ничего такого, чтобы могло заинтересовать мыслящего человека.

Различия в языках. Такое представление о языке как раз и соответствует функционированию языка в повседневной жизни и практическому обращению с языком. Оно хорошо работает в таком мире, каким было европейское Средневековье, где все люди, сталкивающиеся с более высокими духовными и лингвистическими проблемами, говорили и писали на одном языке. Соответственно у них почти не было опыта языковых различий. Напротив, везде царил «католический», то есть универсальный язык. Но он начинает хуже работать, когда несколько языков начинают конкурировать друг с другом, особенно когда в поле зрения попадают языки с действительно различной структурой. Первый случай имеет место тогда, когда европейские народные языки начинают отвоевывать у латинского роль языков образования. В Европе это происходит в XVI веке. И тогда-то языки, употребляемые для высших целей, начинают восприниматься как нечто особенное — не просто как особое звучание (*vox*), но как особое «содержание». А второй — когда Европа соприкасается с языками, глубоко отличными от привычных. Например, когда она осмысливает опыт соприкосновения с Америкой. Тогда оказывается невозможным не заметить, что мышление людей, говорящих на этих американских языках, столь отличающихся от европейских, также существенно отличается от европейского. Если оказывается весьма непросто передать на этих языках такие идеи, как «Святой дух», «Святая церковь» (первоначально речь шла именно об этом), то стало понятно, что эти языки семантически устроены иначе, что они не просто различные *voces* (звуки, голоса — *A. П.*), как считал Аристотель, но и *conceptus* (представление, понятие — *A. П.*) отличается от языка к языку.

Опыт различий между языками постепенно приводит к иному пониманию языка. Европейцы замечают, что в разных языках существует неодинаковая семантика. Таким образом, для мышления не является безразличным, говорю ли я на немецком или латинском, тем более на таких языках, как науатл или делаварский.

Антиномии языкового разума. Для философов, которые со времен Аристотеля были убеждены в универсальности мышления и его независимости от языка, это оказалось шоком. В «Диалоге о языках» (1542) итальянского писателя Сперони, идея различия мышления в зависимости от используемого языка отвергается с негодованием. Филологи-гуманисты восхваляли классические языки, но, разумеется, только их, считая их чем-то совершенно особенным — и для мышления тоже, чем-то, что заслуживает особой любви и особого ухода за языком (*amore della lingua, cura della lingua*). Философ, выведенный в диалоге, и представляющий новое (естество)знание, резко отвергает идею различия мышления и утверждает, цитируя Аристотеля, что не имеет никакого значения, на каком языке говорят, поскольку мышление людей везде одинаково.

В этом споре между гуманистами и учеными-естественниками, между филологией — любовью к языку и философией, которая в этом случае ясно формулирует свою ненависть к языку (*odio delle lingue*), высвечивается то, что вслед за Б. Шлибен-Ланге я называю антиномией языкового разума: это противоположность между двумя противостоящими друг другу трактовками языка, которые спорят между собой с XVI века. Это именно антиномия, так как обе точки зрения верны, и невозможно найти нечто третье, что соединяло бы эти противоположности. С одной стороны, язык есть (или должен быть) произвольным знаком, отсылкой к универсальным понятиям и предметам, обозначением объективной действительности. При этом особенности отдельных языков несущественны. Для того чтобы действовать и ориентироваться в мире, для того чтобы наука и техника могли успешно воздействовать на мир, мы должны достаточно точно его описывать. Именно так язык и должен функционировать в мире, и именно в таком виде он нравится философии (логике).

С другой же стороны, язык представляет собой особое фонетическо-когнитивное образование, субъективное понимание мира, исторически своеобразный взгляд на мир, представляющий этот мир под особым углом зрения. Это понимание характеризует в основном сам язык и то, как он создает мир, оно не редуцирует его особенность для достижения однозначного обозначения; напротив, оно радуется тому, что язык таков, каков он есть, счастливо, что в своем своеобразии он цветет и лучится. Именно так функционирует язык в поэзии, но также и в других литературных жанрах, например в истории. Так видят язык филологи.

Французская революция знакома с этой антиномией, и она, в конечном счете, приводит к ее неудаче. Революция не могла с ней справиться. Она хотела бы разрешить ее в смысле знакового толкования языка. А это порождает то самое насилие, на которое я указывал выше в связи с гильотиной. У Французской республики нет терпимости к различным способам мышления и говорения в том виде, в каком они обнаруживаются в разных языках, у нее нет чувства языка, нет ощущения поэтического в языке. Французская революция — это философия, а не филология. Поэтому она стремилась устранить всякое языковое мышление, которое отклонялось от науки и истины. И в этом она добилась немалых успехов. Мы помним, что революции пожирают своих детей. Но об этом в самом конце статьи.

Idola fori. Первым философом, который осознал, что язык есть также мышление или же, как выразился позднее Гердер, к языку «приклеено» мышление, был Фрэнсис Бэкон, анализировавший зависимость мышления от языка. Естественные языки, полагал он, создают семантические величины, соответствующие простонародному мышлению — *captus vulgi*; однако они противоречат мышлению научному. Слова организуют предметы соответственно простонародному стилю мышления, а не соответственно научным принципам; слова вмещиваются в рациональное мышление:

«Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума. Это сделало науки и философию софистическими и бездейственными. Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы. Когда же более острый разум и более прилежное наблюдение **хотят**

пересмотреть эти границы, чтобы они более соответствовали природе, слова становятся помехой» [Бэкон, 1978: 25] (выделено мной — *А. П.*).

Таким образом, Бэкон открыл то, что Мартине назвал «первым членением» — семантически-когнитивное членение мира с помощью народного языка. Тем самым он открыл, что мышление привязано к языку. Нас, лингвистов, это восхищает, поскольку нашей задачей является описание мышления человека, как оно отложилось в языках. Тем самым Бэкон выступает в качестве отца-основателя нашей науки. Но это непереносимо для философа, который, как это принято, стремится к всеобщей истине. А ведь Бэкон был философом, новым Аристотелем, который без всякой скромности назвал свое сочинение «Новый Органон» и установил, что значения языка представляют собой одну из главных преград на пути познания истины. Эти народные способы классификации явлений мира не совпадают с результатами науки. Эти семантические величины, порожденные языком и связанные со словами, мешают научному мышлению (*verba obstrepunt* — «слова мешают»). Бэкон называет их *idola fori*, идолами рынка. Это наихудшие из всех *idola*, изо всех призраков, которые противостоят Новой Науке. *Idola* Бэкона соответствуют тому, что французское Просвещение называет *le préjugé*. Вот он враг — старое, дикое, и темное мышление! Свет науки призван покончить с ним, если необходимо, то и с помощью гильотины, этой последней и окончательной просветительницы. Языковые идола возникли на рыночной площади, в толчее и болтовне необразованного народа, а не в профессорских кабинетах. Поэтому они ложные боги, именно — языческие кумиры, противостоящие подлинному мышлению. Бэкону, как каждому настоящему миссионеру, важно изгнать этих старых дурацких божков, чтобы их место заняли Истина, Настоящее Знание, Подлинный Дух. Ученый должен таким образом реформировать народный язык, чтобы он соответствовал воззрениям *Homines docti*, образованных людей, иными словами, объективной действительности. Язык науки должен отражать истинную, «естественную» структуру мира, *secundum naturam* (следуя природе — *А. П.*) Здесь легко узнается основная идея аналитической философии, критика языка, которую заново изобрели Фреге и ранний Витгенштейн, борьба философии против языка. Собственно говоря, это не менялось с 1620 года. Именно это истолкование когнитивной силы народного языка — *vis verborum super intellectum* (власть слов над разумом — *А. П.*) — и породило ярость против языка и реформаторское рвение французских революционеров: в языке нашло свое отражение мышление, но оно донаучно, или, что то же самое, дореволюционно, *idola fori*, призраки рынка. Их следует изгнать именем революции, или, что то же самое, — именем науки.

Imperfection et génie de la langue. Взгляды Французской революции на язык были подготовлены главным образом двумя авторами — Локком и Кондильяком. Джон Локк в конце XVII века систематически развил интуиции Бэкона о языковой природе мышления, соединив это с тонкими наблюдениями над семантическими различиями отдельных языков. Локк обращает внимание на неточность семантики отдельных языков, на их *imperfection*, на несовершенство языка, делающее его малопригодным для научных целей. Он предлагает реформу языка для его использования в науке [Локк, 1985].

Во Франции XVII века Локк был очень известный мыслитель. Его «Опыт о человеческом разумении» появился в 1700 году в роскошном французском

переводе, выполненном Пьером Костом, и с тех пор стал основной книгой французской философии.

Лейбниц прокомментировал «Опыт» слово за словом. Для Франции же было очень важно, что Кондильяк, исправляя Локка, в «Опыте о происхождении человеческого знания» (1746) ставит язык в центр своей теории возникновения мышления человека. Эта книга Кондильяка [Кондильяк, 1980] становится в XVIII веке «новым органом» французов. Каждый прогрессивный французский интеллигент ее читал или, по крайней мере, знал, о чем там идет речь. Тем самым она должна рассматриваться в качестве фундаментальной для Французской революции книги, хотя в этом качестве ее обычно едва замечали, поскольку историография всегда указывала только на книги эксплицитно политического содержания.

После чтения Кондильяка французы узнали о языке следующее: он не есть порождение высшего уровня разума, но появляется уже на начальной ступени развития духа. Мышление возникает в теле и постепенно поднимается до ступени чистой рациональности. Язык же возникает из телесного источника мышления, из фантазии. Он представляет собой соединение представлений фантазии со звуками. Язык тесно связан с мышлением, но оно еще не соответствует высоко развитой рациональности. Представления, связанные с языком, довольно неопределенны, *indéterminées*, и отличаются от языка к языку, по меньшей мере, так называемые комплексные идеи, особенно «*notions archétypes*», представления о социальных явлениях. Говоря современным языком, они являются — в зависимости от используемого языка — различными комбинациями сем. В отличие от Локка, у Кондильяка мы видим определенную симпатию по отношению к индивидуальности каждого языка. Он называет это «*génie de la langue*». Это важно отметить уже и потому, что французские революционеры первоначально обнаруживали определенную симпатию по отношению к различным языкам Франции. Во время опроса, который провел в 1790 году аббат Грегуар², министр культуры якобинцев, ряд опрошенных интеллигентов выказали понимание и уважение по отношению к региональным языкам Франции.

В процессе восхождения к разуму и науке дух должен оставить позади все эти ненаучные представления, неопределенные и неуниверсальные «гении языка». Для прогресса науки важно избавиться от недостатков языка, а ради рациональности нужно преодолеть фантазию, ради светочей, *lumières* нужно изгнать тьму, для достижения универсальной истины нужно оставить все частные взгляды на мир, и именно так: неопределенность значений слов нужно уточнить с помощью научной определенности. Так, например, точное научное исследование мира должно доставить нам точные представления о предметах природы. А разумное соглашение между говорящими обеспечивает разумную коммуникацию о предметах, имеющих общественное значение. Наука и разум устраняют

---

² Grégoire Henri Jean-Baptiste (1750—1831), священник-иезуит. Деревенский священник, затем депутат Генеральных Штатов, где примкнул к фракции третьего сословия. Депутат Конвента, член якобинского клуба. Вместе с тем отказался сложить с себя сан священника, требовал в Конвенте отмены рабовладения, свободы вероисповедования и отправления культов, чего и добился в 1795 году. Отказался принять из рук Наполеона орден офицера Почетного легиона и звание графа Империи. (Примечание переводчика. — А. П.).

вместе с неопределенностью языка также и его исторические особенности, делают язык универсально разумным.

Язык в эпоху революции. Итак, французские интеллектуалы были хорошо осведомлены о природе языка, когда они принялись переустраивать мир согласно научным принципам. Первоначально они были полны оптимизма и рассчитывали, что разумные люди достигнут единства в вопросе о значениях слов — либо в процессе познания мира, либо придя к соглашению о значениях терминов о предметах, имеющих общественное значение. Разум сам разрешит антиномию языкового мышления. Сам Локк представлял это себе следующим образом: в повседневной жизни спокойно можно пользоваться неточным народным языком, но там, где речь идет о научных и философских предметах, разумные люди, *the understanding men*, должны прояснить семантику повседневного языка.

Политическая повседневность оказалась гораздо более суровой, чем вдохновенные страницы «Опытов» Локка или Кондильяка. В эпоху Французской революции сама повседневность стала философской: каждодневная общественная жизнь перестраивалась заново согласно научно-философским принципам. Поэтому старый язык более не был приемлем.

*Universaliser le français*³. Сначала симпатии Кондильяка по отношению к различным языкам и их «гениям» приходят в противоречие с действительным или выдуманым сопротивлением языков по отношению к революции: информация из Парижа не доходит до говорящих на иных языках, то есть такие люди не участвуют в демократическом процессе. Разумеется, коммуникация — центральная политическая проблема для демократии. Первоначально Французская революция пыталась довести свои завоевания до народов Франции с помощью их же различных языков. Но скоро выясняется, что это технически плохо осуществимо. Но даже если бы это удалось, то было бы нежелательно с политической и философской точки зрения, так как все языки Франции кроме французского — контрреволюционны. Это подозрение в контрреволюционности имеет двойную причину. Прежде всего, внешнеполитическую. Другие языки могут служить целям внешних врагов. «Министр пропаганды» Барер предъявляет им в 1794 году следующий упрек: «Федерализм и предрассудки говорят на нижнебретонском; эмиграция и ненависть к республике — на итальянском, а фанатизм говорит по-баскски».

Затем следуют подозрения философского характера. Диалекты и языки Франции реакционны в принципе. Они принадлежат *eo ipso* старому непросвещенному миру, в этом своем качестве они противопоставляют себя научному духу, «или же, что то же самое, старому политическому порядку. Барер называет их «*instruments de dommage et d'erreur*» — «орудиями разрушения и ошибок», которые следует уничтожить. Поэтому революционный грамматист Домерг (и вслед за ним уже упомянутый Грегуар) требуют уничтожения диалектов, региональных языков, языковой унификации Франции: «уничтожим местные наречия, как мы уничтожили провинции», поскольку «*La République, une et indivisible dans son territoire et dans son système politique; doit être une et indivisible dans son*

³ «Сделать французский всемирным».

langage»⁴. Но как это сделать, как убрать из голов французов старые языки и связанное с ними контрреволюционное мышление? Грегуар пишет в своем отчете о языковой ситуации в республике в 1794 году, что более шести миллионов французов не знают французского языка. Невозможно обезглавить треть французов, чтобы убрать из их голов баскский, фламандский, немецкий, бретонский, итальянский, каталонский, аквитанский языки. Гильотинирование никогда не рассматривалось в этой связи серьезно, но изучалась возможность переселения. Но и оно не состоялось. Была принята другая стратегия: французы должны изучать французский язык. Другими словами: школьный проект должен стать центром языковой политики. Только тогда, когда все французы будут понимать по-французски, а затем говорить и писать на этом языке, республика может надеяться на то, что все головы думают по-республикански. Итак, изучение языка решает проблему общения, оно разрывает связи с враждебным зарубежьем, и оно устраняет антинаучные предрассудки, отложившиеся в старых реакционных языках. Французы, говорящие на других языках, представляются просвещенным революционным парижанам «дикарями», *sauvages*, то есть чуждыми народами на французской территории, которые еще не достигли того уровня цивилизации, на котором находится Республика. Дети дикарей (*enfants sauvages*) в процессе воспитания должны были превращаться в *enfants sages*, в мудрых детей, но для этого их надо было отучить от *langues sauvages* и одарить их *langue sage* или *Langue de Liberté* (мудрым языком или Языком Свободы — *А. П.*). Правда, это произошло не так быстро, как первоначально предполагали. Это дело заняло полтора столетия, пока *enfants sauvages* не превратились в добрых французских *enfants sages*. Только Третья республика сумела закончить этот процесс.

*Révolutionner Le Français*⁵. Если проблема различия языков получила бы свое разрешение, то остался бы только французский язык — как говорили тогда, «универсальный язык просвещенной Республики» (*Universaliser le français*), таково было программное требование языковой политики революции. Но и универсализация французского языка не решает проблему окончательно. Элиминация «диких языков» устраняет самые опасные источники предрассудков. Но сам французский язык содержит в себе источники заблуждения, *idola fori*, от которых необходимо избавиться. Французский язык необходимо реформировать или, как тогда говорили, — «революционизировать».

В пылу революционной борьбы исчезла не только симпатия к региональным языкам, но и к французскому, то есть к тому «неопределенному», ненаучному, устаревшему мышлению, которое содержалось в нем как в одном из народных языков. Ведь роялистская либо всякая иная оппозиция, которая говорила на французском языке, просто-напросто не желала отказываться от старого мышления. Эти франкоговорящие контрреволюционеры все еще мыслили себе «*le roi*», тогда как давно нужно было мыслить этот предмет как «*le tyran*». Старое, ненаучное, нецивилизованное мышление, старые идолы, *idola fori* устаревшего языка — *oldspeak*, все еще оставалось в головах французов.

---

⁴ «Республика, единая и неделимая в отношении своей территории и своей политической системы, должна быть едина и неделима в отношении своего языка». — *А. П.*

⁵ «Революционизировать французский».

Во-первых, пришлось работать над самим языком — так, как предлагали Локк и Кондильяк. Была выработана новая революционная семантика, нашедшая свое отражение, например, в революционных словарях. Вместе с реформой языка, которая предполагала сближение мышления, отложившегося в словах, с правильными идеями, возник новый, правильный язык — *newspeak*. Язык, реформированный таким образом, становится универсальным, так как его семантика соответствует универсальным идеям. Язык, подвергшийся реформированию в соответствии с принципами разума и науки, отныне не является одним из исторически сложившихся партикулярных языков, но языком универсальным. Подвергшийся реформированию в ходе политической революции французский язык больше не является «français», но «universalais» или «humanais»⁶.

Поскольку он стал выше всех языков человечества, которые посланы человечеству в наказание после строительства вавилонской башни, то этот универсальный французский язык стал также и языком нового рая.

Французская революция являлась, согласно религиозным мифам, которые сыграли огромную роль в становлении этой Новой Церкви, новым провозвестием. Но апостолы несли людям радостную весть на многих языках. Революция поступает иначе. Она идет радикальным путем: избавляется от вавилонского проклятия и создает свой Новый Рай с единственным языком, который она революционно трансформирует в «естественный язык» человечества. Революционизированный французский язык становится теперь новой *lingua adamica*.

Затем, однако, требуются дальнейшие усилия для осуществления этого лингвистического рая: французам необходимо привить новую революционную семантику. Так же как и в случае вредных иностранных языков, нужно предпринять усилия, чтобы привить представления революции. Этим должны заняться *ecoles normales* и *ecoles centrales*. Создание главной «Нормальной школы» и сети «Центральных школ» во всех департаментах страны преследовало цель воспитать новую элиту — *les enfants sages* — «мудрых детей» в духе революционности. Само собой разумеется, что в основу этого преподавания легла вышеописанная теория познания, и она же преподавалась в эксплицитном виде. Она базировалась на идеях Кондильяка, в ее основе лежало восхождение от чувственного восприятия к просвещению и разуму с помощью языка. В этих школах *les enfants sages* должны были быть освобождены от любой формы дикости. Они должны были подняться к научной форме рациональности. И если у них еще остаются дикие представления, то они изгоняются при помощи научной учебной программы, направленной на изучение языка прогресса, демократии и просвещения.

Итак, Французская революция представляет собой проект мирового масштаба по изготовлению *enfants sages* из *enfants sauvages* и изгнанию из их голов последних остатков дикости, а именно с помощью французского как универсального, а не исторического языка.

Глобальная лингвистическая революция⁷. Франция в процессе своего исторического развития, запущенного Революцией, поставила на один полюс языковой автономии: на единственный язык, на язык научный, на язык рая. Она

⁶ «Всемирным» или «языком всего человечества».

⁷ Современный политико-лингвистический дискурс рассматриваемой проблемы представлен в работах [Schlieben-Lange, 1996; Trabant, 2002].

не питала никаких симпатий к другим языкам, тем более к ситуации после вавилонского смешения языков. Она не питала никакой любви даже к собственному, французскому языку, но подчинила его науке, просвещению, разуму. *Douceur angevine* (анжуйская нежность), который Дюбелле⁸ ценил во французском языке, Франция не включила в свой языковой миф, его место заняло *clarté*, (ясность, прозрачность — *A. П.*), то есть ориентация на вполне сознательную прозрачность языка, что в конечном счете означает исчезновение языка. *Clarté* означает у всех авторов, которые к нему обращаются, то, что французский язык идентичен универсальному мышлению. Если мы говорим по-французски, то это значит, если следовать идеям Аристотеля, мы думаем на универсальном языке человечества. Таким образом, французский язык вовсе не «французский», а «всемирный».

В лингвистических вопросах Франция следовала общему направлению своей революции: она стремилась к тому, чтобы ее язык стал как можно более научным, унифицированным, универсальным. Удивительно тем не менее что революция обогнала французский язык. Универсальным языком науки, техники и вообще всей рациональной деятельности стал английский. Собственно говоря, Франция в духе своей рациональной традиции должна была бы радостно приветствовать этот очищенный глобальный язык, а от своего, уже устаревшего языка, отказаться, подобно тому, как она в свое время элиминировала старинные языки и диалекты. Но действовать таким логически последовательным образом она, к счастью, не готова. Внезапно она вспомнила о другом полюсе языковой антиномии: необходимо всестороннее использование и развитие собственного, т. е. именно французского языка. Этот поворот только тогда будет вызывать доверие, когда и другие языки будут считаться ценными и обладающими особыми качествами. Защита французского по отношению к революционному глобальному языку может быть только тогда успешной, когда и к индивидуальным особенностям других языков относятся с любовью. Это стало понятным французским политикам, и они ссылаются в своей защите французского языка, как, например, премьер-министр Раффарэн⁹ в предисловии к ежегодному докладу «Организации для изучения и защиты французского языка и других языков Франции»¹⁰. Когда говорится «*pluralisme*», подразумевается сохранение языка республики: «*assurer sur notre territoire la primauté du français, langue de la République*» (обеспечить на нашей территории приоритет французского языка, языка Республики), так же как и сохранение языков старинной, еще примитивной Франции, региональных языков: «*veiller a la pérennité des langues régionales*» («обеспечить длительное (вечное) существование региональных языков»). Также подразумеваются и другие языки Европы, на которые французская политика ранее обращала мало внимания: «*soutenir au niveau européen l'apprentissage de deux langues vivants*» («поддерживать на европейском уровне владение двумя живыми европейскими языками»). Но, вероятно, с этим делом уже запоздали, так как

⁸ Joachim Du Bellay — французский поэт и грамматист, много сделавший для исправления и улучшение французского языка.

⁹ Jean-Pierre Raffarin — 165-й премьер-министр Французской республики с 2002 по 2005 год при президенте Жаке Шираке.

¹⁰ Délégation général à la langue française et aux langues du France, см. URL: <https://www.culture.gouv.fr/content/download/93445/840573>

важнейший сосед — Германия — оставила Францию с ее любовью к плюрализму языков на ее территории и к языковым особенностям в одиночестве. Более того, языковая политика Германии в настоящее время направлена против того, к чему стремится Франция. Германия шла с XVIII века по пути филологии, то есть любви к языку, нежели по пути философии, то есть ненависти к нему. Ее крупнейшие мыслители в области языка — Лейбниц, Гердер и Гумбольдт проповедовали симпатию к поэтическому мышлению, нашедшему свое отражение в языках, и некультивированное разнообразие национальных языков. Германия умела сочетать в своем национальном культурном развитии стремление к единому высокоразвитому языку с симпатией к диалектальному разнообразию, она гордилась академической филологией, которая занималась языком во всех его аспектах.

Все это исчезло в рамках и во имя глобализации с помощью неоякобинской политики, которую сама Германия теперь направляет против своего собственного языка. Все общественно значимые области — как нигде в Европе — получают, чем дальше, тем больше, глобально-английские обозначения. Реклама, техника, экономика (они же хозяева положения!) говорят все эксклюзивней и все бессовестней по-глобально-английски — вплоть до счетов за телефон, для оплаты которых немцы должны были знать в определенных пределах английский язык: GermanCall, CityCall, WorldCall — Телеком недавно только временно убрал эти обозначения. Политика следует нога в ногу. Как ранее во времена Жюль Фери старый дикий язык изгоняется из школы, на его месте распространяется язык прогресса, демократии и просвещения. Вместо «дикого немецкого» в детском саду и начальной школе — ранний английский, самые важные предметы в гимназии — на английском, преподавание в университете — на английском. Просвещенная ненависть немцев направлена на их собственный язык: *la langue sauvage, la langue de sauvages* (дикий язык, язык дикарей), язык, на котором прозвучали самые ужасные, зверские приказы человечества и от которого мы до сих пор не можем избавиться. К цивилизованным народам мы сможем, по всей видимости, снова принадлежать лишь тогда, когда этот язык дикарей останется в прошлом, и мы будем использовать — по меньшей мере, как язык образования, как язык дискурсивных пространств, как высший язык — универсальный язык просвещения и научно-технического прогресса.

Германия догоняет по всей очевидности в области глобализации французскую революцию, Франция идет, как мы видим, старым немецким путем. Это два полностью противоположных ответа на вопрос о революции в языке, о глобальном восстановлении рая. Каково будет решение Европы? Я полагаю, что у французского пути нет шансов. Победит революция, гильотина языков.

Библиографический список / References

- Бэкон Ф. Новый Органон. Афоризмы об истолковании природы и царстве человека // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 12—79.
(Bacon F. New Organon. Aphorisms about the interpretation of nature and the kingdom of man, in Bacon F. Works in 2 vols, Moscow, 1978, vol. 2, pp. 12—79. — In Russ.)
- Кондильяк Э. Боно де. Опыт о происхождении человеческих знаний. Часть вторая: О языке и методе // Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1980. Т. 1. С. 182—300.

(Condillac E. Bonnot de. An essay on the origin of human knowledge. Part two: On language and method, in Condillac E. Bonnot de. Works: in 3 vols, Moscow, 1980, vol. 1, pp. 182—300. — In Russ.)

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Книга третья // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 534—582.

(Locke J. Experience about human understanding. Book Three, in Locke J. Works: in 3 vols, Moscow, 1985, vol. 1, pp. 534—582. — In Russ.)

Schlieben-Lange B. Idéologie, révolution et uniformité de la langue. Sprimont: Mardaga, 1996. 276 s.

Trabant J. Der gallische Hercules: Über Sprache und Politik in Frankreich und Deutschland. Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2002. 283 p.

Перевод принят к публикации 01.09.2022.

The translation accepted for publication 01.09.2022.

NOUS

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Научная статья
УДК 81:1
DOI: 10.46724/NOOS.2022.3.66-72

А. В. Брагин

ДИНАМИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ КОДОВ (ФРЕЙМОВ) В ФОРМИРОВАНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОЗНАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме природы человеческого сознания, возможности его целенаправленного формирования и реформирования (перепрошивки). Обосновано, что именно в этом аспекте необходимо рассматривать вопросы соотношения первичных природных кодов, характера их взаимодействия с вторичными культурными кодами. Структура человеческого сознания в силу ее естественного происхождения рассмотрена через призму компьютерной терминологии как «хард» («железо»), а искусственные вторичные коды как «софт» («программное обеспечение»). Особое внимание уделено проблеме выяснения пределов (рамок) произвольности «софта» в отношении наличного «харда», имеющего применительно к человечеству и этногенетическую специфику. В качестве методологической платформы применена междисциплинарная методология «фрейма». Проанализированы факторы, определяющие границы пластичности сознания к принятию новых вторичных кодов, а также границы (рамки), переход которых ведет к слому всей этнокультурной и природной системы народа как целого.

Ключевые слова: сознание, язык, первичные коды, вторичные коды, система, фрейм, гомеостазис

Ссылка для цитирования: Брагин А. В. Динамика взаимосвязи первичных и вторичных кодов (фреймов) в формировании и функционировании сознания // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 66—72.

Original article

A. V. Bragin

DYNAMICS OF INTERRELATION OF PRIMARY AND SECONDARY CODES (FRAMES) IN THE FORMATION AND FUNCTIONING OF CONSCIOUSNESS

Abstract. The article is devoted to the problem of the human consciousness nature, the possibility of its purposeful formation and reformation (flashing). It is substantiated that in this aspect it is necessary to consider the issues of the correlation of primary natural codes, the nature of their interaction with secondary cultural codes. The structure of human consciousness, due to its natural origin, is considered through the prism of computer terminology as "hard", and artificial secondary codes as "soft" ("software"). Particular attention is paid to the problem of clarifying the limits (framework) of the arbitrariness of "soft" in relation to the available "hard", which, in relation to humanity, has ethnogenetic specificity. The interdisciplinary me-

thodology of the "frame" was used as a methodological platform. The factors that determine the boundaries of the plasticity of consciousness to the adoption of new secondary codes, as well as the boundaries (frames) whose transition leads to the breakdown of the entire ethno-cultural and natural system of the people as a whole, are analyzed.

Keywords: consciousness, language, primary codes, secondary codes, frame, system, homeostasis

Citation Link: Bragin, A. V. (2022) Dinamika vzaimosvyazi pervichnykh i vtorichnykh kodov (freymov) v formirovanii i funkcionirovanii soznaniya [Dynamics of interrelation of primary and secondary codes (frames) in the formation and functioning of consciousness], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 66—72.

Написание данной работы вызвано попыткой ответить на практический вопрос — как на современном этапе цивилизационного развития разворачивается концепция нейролингвистического программирования применительно к геополитическим реалиям, связанным с распадом СССР. Постсоюзное сознание бывших республик подверглось целенаправленной массовой деформации, принявшей различные формы русофобии, национализма, шовинизма и т. п. Такие парадоксальные процессы, получившие распространение и на территории Европейского Союза, нуждаются в философском осмыслении, начать которое следует с рассмотрения проблемы природы человеческого сознания, возможности его целенаправленного формирования и переформирования (перепрошивки).

Проблема эта на самом деле имеет тысячелетнюю историю, и попытка ее решения через корректирование информационно-языкового пространства социума как инструмент гармонизации жизни была предложена еще Конфуцием (см.: [Беседы и суждения Конфуция, 2001]) в его концепции «исправления имен»¹. Подчеркнем, что проблема исправления имен касается более широкого круга, чем вышеуказанные феномены деформации сознания, так как решать ее приходится в условиях кризиса антропологической самоидентификации и распространения идей трансгуманизма, причем с практическим внедрением их в повседневную жизнь глобальной западной цивилизации². Именно в этом аспекте необходимо рассматривать вопросы соотношения первичных природных кодов, характера их взаимодействия с вторичными культурными кодами. Природная структура человеческого сознания в силу ее естественного происхождения, если брать компьютерную терминологию, это — «хард» («железо»), а вот искусственные вторичные коды — это «софт» («программное обеспечение»). Здесь в порядке постановки проблемы хотелось бы выяснить пределы произвольности «софта» в отношении наличного «харда» (имеющего применительно к человечеству и этногенетическую специфику).

Что определяет границы пластичности сознания к принятию новых вторичных кодов и где границы, переход которых ведет к слому всей этнокультурной

---

¹ Смысл, заложенный в указанной концепции, можно сформулировать так: «вернуться к изначальному смыслу базовых понятий, отражающих социальную действительность, и через это устранить накопившиеся в действительности деформации» [Брагин, 2009: 68].

² Заметим, что, к счастью, глобальной западной цивилизации пока не удалось ликвидировать существующие цивилизационные альтернативы (в частности, российскую).

и природной системы народа как целого? Оптимальным для истолкования указанной проблемы и ответа на связанные с ней вопросы является, на наш взгляд, использование междисциплинарной методологии «фрейма». Понятие фрейма пока не имеет единого общепринятого толкования, исходно соотносится с рамкой кинокадра. О. В. Соколова справедливо отмечает, что «можно говорить о существовании двух подходов к понятию фрейма в когнитивной лингвистике: фрейм как структура знания и фрейм как структура представления знания» [Соколова, 2007: 236]. В интересующем нас аспекте фрейм понимается прежде всего «когнитивной моделью, передающей знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев, 2004: 29]. Подчеркнем, что «фреймы не только описывают существеннейшие аспекты онтологии изучаемой реальности или даже всего бытия, но также снабжают науку определенным строительным материалом, каркасами и блоками для сооружения всего целого, т. е. теоретического знания, или здания науки...» [Разумовский, 2000]. Именно фреймы конституируют семантическое поле.

Приступая непосредственно к обозначенной теме, отметим, что применительно к сознанию для формирования фреймов имеют значение две основных детерминанты — вещественный («хард», «сома») и программный языковой (софт, концепт, психика). Объективные рамки софта — специфика языка программирования, функционал. Подчеркнем, что сознание манифестирует себя в языке. Человечество существует как система различных рас и народов, говорящих на разных языках. При этом, однако, общим является генетическая принадлежность к единому человечеству, являющему единую родовую человеческую сущность. Общие черты могут быть обусловлены, в частности, следующими объективными причинами: принадлежностью к виду *homo sapiens*, общностью уровня социально-экономического развития, сходством природной среды и т.п. Другое дело, что родовая человеческая сущность проявляет себя вариативно во множестве конкретных культурных форм, обусловленных генетическими, биолого-антропологическими, демографическими и прочими особенностями. Указанные особенности имеют и объективное существование, так как, например, генетика аккумулирует адаптацию человеческих сообществ не только к природной, но и культурно-исторической среде³.

Указанные выше моменты задают реперные точки устойчивости, формирующие различные фреймы. Фреймы эти образуют иерархические структуры, как общие для всей системы, так и специфические (определяющие качественное своеобразие) данной подсистемы. Касается это как человеческого сознания, так и форм, его выражающих (в том числе языковых). Причем в ходе когнитивного процесса «фрейм активируется текстом, если языковая форма или модель ассоциируется с рассматриваемым фреймом» [Филлмор, 1988: 64]. Существенно, что «чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и “концептосфера” его словарного запаса. Имеет значение не только широкая осведомленность и богатство эмоционального опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта и осведомленности» [Лихачёв, 1993: 51].

Человечество существует как система со сложной структурой. Причем сложность социально-политической и культурной структуры человечества ...

³ В частности, в итоге неолитической революции возникла мутация у скотоводов — способность усваивать молоко (гаплогруппы Ra, Rb). Это физиологический фрейм. И т. д.

является *необходимым* условием следования ноосферному вектору развития (сохраняющего подлинно человеческое и разумное в человеке), а вовсе не препятствием на этом пути. В свете указанного обстоятельства можно утверждать, что западный проект глобализации, осуществляемый сегодня коллективным Западом, предполагающий ликвидацию национальных государств и культурно-этническое микширование населения (при его атомизации на основе эгоизма и безудержного потребительства), — это путь к краху человечества. Однако именно такое будущее и готовит человечеству руководствующаяся трансгуманизмом глобалистская элита Запада. В этом аспекте огромное значение придается работе с национальными языками, выражающими национально-культурный менталитет, ментальность [Стрельник, 2016: 39]. Как справедливо указывал в свое время А. Потебня, утрата национального языка ведет к денационализации, поскольку для конкретного народа именно язык является определяющим фактором его конституирования [Потебня, 2000]. Означает ли, однако, это слом базовых фреймов, лежащих в основе сознания данной социальной общности? Вовсе нет.

Слом национального языка, переход на другой язык означает неизбежно трансформацию сознания. Однако у формирования новых фреймов вторичных кодов существует объективный ограничитель — субстрат, на котором формируется и функционирует сознание (сому). В рамках этого объективного ограничителя — суперфрейма — и происходит относительное приспособление сознания социальной общности, отдельных ее представителей к новым средствам трансляции и осмысления опыта. Если использовать аналогию с калейдоскопом, то множество возможных вариантов возникающих картинок объективно зависит от количества и качества зеркал, формы, цвета и количества имеющихся элементов, создающих рисунок и т. п. Точно также обстоит дело и применительно к сознанию социальной общности — его стопроцентное кардинальное изменение невозможно в принципе. Даже деформация сознания имеет объективный предел. Здесь, как в известном советском анекдоте: «прислали детали от трактора и комбайна, а мы, как ни собираем, все автомат Калашникова получается». Подчеркнем, даже цивилизационный выбор не абсолютно произволен, его в значительной степени предопределяют фреймы, имеющие по отношению к этому выбору объективный и непреодолимый характер.

В свое время К. Леви-Стросс, характеризуя мифологическое мышление, применил термин «бриколаж», предполагающий построение целостной «картинки» из имеющихся фреймов осколков старого опыта. В работе «Первобытное мышление» он пишет о том, что бриколер — «это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства», и что при создании нового он «должен вновь обратиться к уже образованной совокупности инструментов и материалов, провести или переделать ее инвентаризацию» [Леви-Стросс, 1985: 126, 128]. Вот по этому принципу и формируется «калейдоскоп»; «пазлы» могут складываться и складываются в рамках объективно существующего фрейма (а его устойчивость очень большая, так как он формируется на уровне сомы и носит физиологический характер). Пазлы — блоки, из которых складывается картинка. Здесь весьма существенно, что если, например, понимаешь анекдот другого народа, то значит общая рамка для сбора пазлов схожая или тождественная. Наличествующий объективно общий фрейм, как фильтр, мембрана, пропускает не все, а только родственное. Применительно к процедуре «исправления имен» это обстоятельство означает, что во вторичном коде возврат в норму может произойти

автоматически, так как норму задает фрейм уже первичного кода (что может быть подкреплено и усилено вторичным цивилизационным кодом).

Здесь, однако, возникает вопрос о механизме «исправления имен», который должен носить системный характер и иметь программное идеологическое, правовое и социальное институциональное обеспечение. Вот, например, как осуществлялось «исправление имен» на территории захваченной советскими войсками нацистской Германии (заметим, что в Восточной Германии население принадлежит к той же доминирующей гаплогруппе, что и в России). Прежде всего, период военного контроля (оккупации) с параллельным формированием местных органов власти и системы образования (с необходимым информационным обеспечением) в соответствии с неким эталоном — антифашистской идеологией с опорой на организованные социальные структуры ее носителей (ячейки активистов, партячейки — «совпартактив»). Заметим, что мотивация носила, прежде всего, идеологический характер, а не материальный⁴. Доминирующая идеология обозначает осознаваемые и фиксируемые вторичными кодами общие (желаемые и эталонные) рамки социального объединения. Поэтому следует подчеркнуть, что идеология — это софтовый фрейм, обеспечивающий системность «исправления имен», наличие соответствующих организационных структур в социуме (институтов) на основе обусловленных идеологией духовных ценностей и функций.

Сложность осуществления этой опробованной и доказавшей свою эффективность схемы для обеспечения денацификации, например, на территориях Украины в отсутствие у РФ государственной идеологии (конституция ее даже запрещает), обусловлена доминированием материальных ценностей потребительского общества и отсутствием надежных социальных структур, специально занимающихся идеологическим эталонным воспитанием. Заметим, что только у религиозных организаций имеются сегодня позитивные идеологические эталоны, но они не носят обязательного и общепринятого характера в условиях светского характера РФ. Кстати, именно потому, что традиционные религии — это институты, где дольше и надежнее всего сохраняются подобные эталоны (защищенные сакральностью их источника), они и являются объектом нападков — попыток раскола, выхолащивания, подмены и уничтожения. Об этом, в частности, свидетельствуют история Великой Французской революции, определенные этапы истории советского государства (от начала революции до укрепления сталинизма и хрущевский период), сегодняшний период постхристианской жизни Запада.

В остро необходимой России четко сформулированной идеологической программе, а не просто интуитивно соответствующих исторически сложившейся русской ментальности⁵ ожиданиях, в иерархии ценностей должен быть обеспечен безусловный приоритет духовных ценностей. В ситуации постсовременности, выбора конструктивных ориентиров, способных задать силовое поле для

---

⁴ Осуществление мер по денацификации неизбежно требует героизма и жертвенности (на советской Украине в боях с бандеровским подпольем за 10 лет с 1945 года погибло почти 80 тысяч представителей правоохранительных органов и совпартактива).

⁵ Понимаемой как «система образов, которые... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [Дюби, 1991: 52].

«исправления имен» в рамках «Русского мира» (как некой культурной и цивилизационной парадигмы — фрейма), идеально подходит концепция русского космизма в его ноосферной версии, содержащей потенциально глобальный универсалистский потенциал [Смирнов, 2013]. Эта концепция фактически интегрирует все лучшее из духовной культуры народов, входящих в «Русский мир» (исторически веками складывавшийся суперэтнос). Адаптировать к современным социально-политическим реалиям русский космизм призвана целенаправленная теоретическая работа соответствующих центров ноосферных исследований, в частности таких, как Центр комплексных ноосферных исследований Ивановского государственного университета, Ноосферный виртуальный университет. Одним из направлений подобной работы могла бы стать разработка ноосферных программ прояснения и нахождения оптимума в объективно существующих в общественном сознании фреймов и конкретно — противодействие распространению деструктивных идей на постсоветском пространстве и по всему миру.

Библиографический список / References

- Беседы и суждения Конфуция. СПб.: Кристалл, 2001. 1120 с.
(*The Conversations and judgments of Confucius*, St Petersburg, 2001, 1120 p. — In Russ.)
- Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство *cognitively* лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18—36.
(Boldyrev N. N. Conceptual space *cognitively* linguistics, *Questions of cognitively linguistics*, 2004. no. 1, pp. 18—36. — In Russ.)
- Брагин А. В. Динамическая устойчивость социума: конфуцианская концепция руководства и современная Россия // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2009. Вып. 1. С. 66—68.
(Bragin A. V. Dynamic stability society: the concept management of Confucius and modern Russia, *Bulletin of the Ivanovo State Power Engineering University*, 2009, vol. 1, pp. 66—68. — In Russ.)
- Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей: Человек в истории. 1991. № 3. С. 48—59.
(Duby G. The development of historical research in France after 1950, *Odyssey: A man in history*, 1991, no. 3, pp. 48—59. — In Russ.)
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. 536 с.
(Levi-Stross K. *Structured anthropology*, Moscow, 1985, 536 p. — In Russ.)
- Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук СССР. 1993. № 1. С. 43—51.
(Lihachyov D. S. Conceptosfera of Russian language, *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR*, 1993, no. 1, pp. 43—51. — In Russ.)
- Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 184 с.
(Potebnya A. A. *The Symbol and myth in public culture*, Moscow, 2000, 184 p. — In Russ.)
- Разумовский О. С. Инварианты и «фреймы» как объективные феномены и когнитивные конструкции // Философия науки. 2000. № 2 (8). С. 34—40.
(Razumovskiy O. S. The Invariants and frames as objective phenomenons and cognitively to designs, *Philosophy of Science*, 2000, no. 2 (8), pp. 34—40. — In Russ.)

Смирнов Г. С. Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия // Ноосферные исследования. 2013. № 1 (1). С. 78—93.

(Smirnov G. S. Vernadsky's Philosophy: World Consciousness of the Third Millennium, *Noospheric Studies*, 2013, no. 1 (1), pp. 78—93. — In Russ.)

Соколова О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 1 (36). С. 236—239.

(Sokolova O. V. The Category of the frame in cognitively to linguistics, *Bulletin of the Astrakhan State Technical University*, 2007, no. 1 (36), pp. 236—239. — In Russ.)

Стрельник О. Н. Ментальность как проблема философии и науки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2016. № 1. С. 35—44.

(Strelinik O. N. Mentality as problem philosophy and sciences, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Series: Philosophy*, 2016, no. 1, pp. 35—44. — In Russ.)

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 52—92.

(Fillmor Ch. Frames and semantics of the understanding, in Petrov V. V. and Gerasimov V. I. (eds) *New in foreign linguistics*, Moscow, 1988, vol. XXIII, pp. 52—92. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Брагин Андрей Витальевич — доктор философских наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anvibr@mail.ru

Bragin Andrey Vitalievich — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anvibr@mail.ru

Б. М. Кондорский

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация. На основе концепции временных систем исторического развития предпринята попытка показать характер определяющего влияния прошлых событий на современные социально-политические процессы. Аналитика осуществлена через призму рассмотрения истории Китая, Украины, Центральной Азии, Ближнего Востока, Тропической Африки, России. Установлено, что принципиальное значение для логики истории имели характер и глубина феодальной революции в каждом регионе. Предложена классификация стран в зависимости от сроков наступления и специфики революционного периода: страны первой, второй и третьей генерации. Изложены основные положения теории революционного периода как временной системы, имеющей свои внутренние объективные законы. Сделан вывод, что основной причиной международной напряженности в начале XXI века стал конфликт между странами, относящимися к разным «революционным» генерациям.

Ключевые слова: процесс исторического развития, иерархия временных систем, феодальная революция, революции Нового времени, логика истории, революционный период, «революционные» генерации

Ссылка для цитирования: Кондорский Б. М. Влияние специфики исторического развития на современные социально-политические процессы // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 73—87.

Original article

В. М. Kondorsky

IMPACT OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT SPECIFICITY ON THE MODERN SOCIO-POLITICAL PROCESSES

Abstract. Based on the concept of temporary systems of historical development, an attempt was made to show the nature of the determining influence of past events on modern socio-political processes. The analytics is carried out through the prism of considering the history of China, Ukraine, Central Asia, the Middle East, Tropical Africa and Russia. It has been established that the nature and depth of the feudal revolution in each region was of fundamental importance for the logic of history. A classification of countries is proposed depending on the timing of the onset and the specifics of the revolutionary period: countries of the first, second and third generation. The main provisions of the theory of the revolutionary period as a temporary system that has its own internal objective laws are outlined. It is concluded that the main cause of international tension at the beginning of the 21st century was the conflict between countries belonging to different "revolutionary" generations.

Keywords: process of historical development, hierarchy of temporary systems, feudal revolution, revolutions of modern times, logic of history, revolutionary period, "revolutionary" generations

Citation Link: Kondorsky, B. M. (2022) Vliyaniye spetsifiki istoricheskogo razvitiya na sovremennyye sotsial'no-politicheskiye protsessy [Impact of the historical development specificity on the modern socio-political processes], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 73—87.

Процесс исторического развития представляет собой иерархию временных систем, имеющих свои объективные внутренние законы. Это означает, что исторический отрезок, измеряемый столетиями, а то и тысячелетиями, может представлять собой единое целое, имеющее системный характер. Для того чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, иногда полезно заглянуть в прошлое.

Подобного рода подход придает чисто историческим исследованиям элементы прикладного характера. К сожалению, между историческими и политологическими исследованиями существует определенный разрыв. Историки академического направления с некоторым пренебрежением относятся к специалистам, изучающим современные социально-политические процессы. Ими обычно отвергаются элементы политологического и публицистического изложения материала в публикациях. То же самое касается попыток создания теоретических конструкций. Автор неоднократно с этим сталкивался. По существу это направление превратилось в своеобразную «вещь в себе».

В связи с этим для более глубокого понимания данной проблемы полезной будет революционная концепция исторического развития, разрабатываемая автором. В основе каждого этапа исторического развития лежит определенный тип революций: неолитических, архаических, феодальных, революций Нового времени. Каждый этап характеризовался определенным типом социального (в широком смысле этого слова) пространства и сознания.

Следует отметить, что каждый новый этап формировался на совершенно новой основе, представляя собой своеобразный «виток». Классическая Греция после архаической революции и в социальном, и в культурном отношении кардинально отличалась от предшествующей ей микенской цивилизации. В основе всех известных цивилизаций поздней древности (от Италии до Китая) лежали примитивные пастушеские племена.

Именно революции формировали потенциал последующего развития, уровень которого зависел от степени преемственности с предыдущим периодом. Византия, постоянно декларирующая свою историческую связь с Римской империей, весь период своего исторического развития находилась в состоянии перманентного кризиса.

В отличие от Западной Европы здесь минимальная преемственность во время феодальной революции на рубеже I тыс. н. э. способствовала наиболее прогрессивному развитию. Поэтому при рассмотрении влияния специфики исторического развития на современные социально-политические процессы в ряде регионов основное внимание будет уделено характеру феодальных революций на их территориях.

Китай. Феодалным революциям предшествует период феодализации, когда появляются внешние признаки, характерные для феодальной формации. В Западной Европе период феодализации был характерен для Меровингов и ранних Каролингов. В Китае этот период начался после гибели империи Хань в начале III века н. э. и продолжался более 700 лет. Сам феодализм, как система (в «китайском исполнении») появляется только в период династии Сун. Очень высокий уровень преемственности с предыдущим периодом способствовал тому, что к началу I тыс. н. э. Китай уже не имел потенциала дальнейшего развития. Как результат — завоевание чжурчжэнями Северного Китая, а затем и всей страны монголами.

Первым императором династии Мин были предприняты попытки проведения реформ с опорой на незнатных людей. Однако бюрократизм, взяточничество, вымогательство быстро стали атрибутами функционирования нового чиновничьего аппарата [Боровкова, 1979: 120].

Несмотря на то что именно в Китае впервые появились порох, бумага, компас, это не привело, как в Западной Европе, к появлению огнестрельного оружия, наборного книгопечатания, колонизации. После освобождения от монгольского господства страна более 400 лет находилась в состоянии инерционного развития. Несмотря на свой огромный материальный потенциал, Китай не использовал его для дальнейшего развития. Еще в начале XIX века страна производила треть мирового ВВП [Киссинджер, 2013: 27].

Выйти из исторического тупика позволила деятельность Коммунистической партии Китая. Мао Цзэдун на интуитивном уровне чувствовал и понимал глубинную основу (базис) страны, обусловленную спецификой его исторического развития в течение двух с половиной тысяч лет. Фактически если бы не было Культурной революции, не было бы современного Китая.

В течение всей цивилизационной истории Китая основой его идеологии было конфуцианство. Коммунистическая партия Китая и сам Мао Цзэдун с подозрением относились к нему, считая его конкурентом коммунистической идеологии. Даже пытались с ним бороться. Однако история имеет свои объективные законы.

Современное руководство Коммунистической партии Китая смогло найти «золотую середину». Си Цзиньпином предпринята попытка синтеза, соединяющего китайский марксизм и традиционное китайское наследие, исконно тяготеющее к гармонии. Идея гармонии «хэ» является генетическим принципом китайской цивилизации. По мнению Председателя КНР, китайская нация стремится к проведению политики мира и развития потому, что китайская культура поклоняется гармонии [Титаренко, Ломанов, 2015: 24—25]. В данном случае используются термины, понятия, выражения, весьма далекие от классической политологии.

По существу, Китай сейчас переживает своеобразный ренессанс конфуцианства [Буров, 2011]. Принятая в 2001 году «Программа строительства гражданской морали» сделала акцент на следующие моральные принципы: любовь к Родине и исполнение закона, четкое следование правилам общежития, искренность и доверие в отношениях между людьми, сплочение и дружелюбность, трудолюбие, бережливость, служение своему долгу. Все это входит в конфуцианский моральный кодекс [Кондрашева, 2009: 171].

Что касается внешней политики Китая, то руководство страны стремится придать ей «китайский облик», используя специфические китайские пути защиты национальных интересов. Просматривается желание связать современную внешнюю политику с традиционной культурой. Симптоматичен призыв Си Цзиньпина к установлению «правильного взгляда на долг и выгоду в международных отношениях». Эта идея восходит к раннему конфуцианству, декларировавшему приоритет «долга-справедливости» над «пользой-выгодой» [Ломанов, 2017: 14].

В свое время автором была сделана попытка анализа глубинных основ ЭПШП [Кондорский, 2019а]. Оказалось, что все планируемые мероприятия не совсем стыкуются с базовыми законами экономической и политической систем. Зону своего влияния в форме ЭПШП Китай в настоящее время формирует не столько по законам этих систем, сколько по законам цивилизованного пространства.

В связи с этим вспоминаются грандиозные морские экспедиции в начальный период династии Мин (вплоть до Аравийского полуострова), которые преследовали не торговые или политические цели, а носили престижный характер — «показать свой флаг» [Фицджеральд, 2005: 308]. Если тогда подобного рода стратегия не получила своего развития, то сейчас, по мнению китайского руководства, она должна сработать.

Украина. Установление Литвой контроля над территориями Малой и Белой Руси в XIV веке обусловило здесь крайне низкий уровень феодальной революции [Кондорский, 2021: 58]. Вследствие этого восточнославянские земли долгое время находились на «общинной» стадии развития. С этим была связана масса архаических пережитков, существовавших до очень поздних времен с учетом наследия, полученного этими землями от Киевской Руси. В частности, в городах сохранялось вечевое управление [Дворниченко, 1995: 298—302].

Современная украинская элита по всякому поводу и без повода декларирует свою преемственность с Киевской Русью. На самом деле так оно и есть. Но как уже говорилось, чем выше уровень преемственности с предыдущим историческим этапом, тем ниже потенциал последующего развития, что мы наблюдали и наблюдаем в истории Украины. Украинский язык действительно ближе к древнерусскому, но это говорит о его меньшей развитости по сравнению с русским языком [Кондорский, 2021: 59].

В XVI веке происходит массовый переход элиты, имеющей еще древнерусские корни, в католичество и принятие образа жизни польской аристократии. На смену им приходит новая элита в виде казацкой старшины. Реестровое казачество, появившееся в середине XVI века, представляло собой типичную корпорацию с соответствующим типом сознания. Особенностью любой корпорации и в тот период, и в современный является преобладание внутренних интересов над внешними. Следует обратить внимание на тот факт, что старшина была сугубо корпоративной элитой, а не элитой украинского народа, как пытаются представить современные украинские историки.

Именно во второй половине XVI — первой половине XVII века сформировался тот архетип исторического сознания украинского народа (в первую очередь, элиты), который проявлял себя в течение последующих столетий, вплоть до нашего времени, практически без изменений.

В период так называемой Освободительной войны украинского народа. Хмельницкий повсюду (вплоть до Трансильвании) искал союзников против

Польши с целью уничтожить это государство [Яковлева, 1998: 152]. Разочаровавшись в этом отношении, в Москве, после Переяслава Хмельницкий делает шаги в направлении принятия протектората шведского короля (который в это время взял под свой контроль большую часть Польши), одновременно ведя переговоры с Турцией и Крымским ханством [Чухліб, 2005: 76].

Однако ни о каких равноправных отношениях со шведами не могло быть и речи. Шведы планировали взять под свой контроль Войско Запорожское и в дальнейшем использовать его в войне с Москвой [Горобець: 40]. Советовали Хмельницкому защитить свободу своей страны с помощью их оружия. Шведский король собирался строить вдоль Днепра крепости, неподконтрольные гетману, который должен был отдавать ему половину своих налоговых сборов [Яковлева, 1998: 203]. Для сравнения, после Переяслава Хмельницкий не платил Москве «ни копейки» [Яковлева, 2003: 71]. Сходство с современным периодом просто поразительное.

У старшинской элиты отсутствовал опыт государственного строительства [Смолій, 2014: 40]. В период Хмельниччины сложилась крайне слабая, плохо структурированная система публичной власти, уходившая своими корнями в устройство Запорожской Сечи. В основе этой системы лежала казачья демократия, на деле сплошь и рядом оборачивающаяся охлократией.

После смерти Хмельницкого наступает период гражданской войны, который в народе прозвали Руиной. Корпоративные интересы в этот период преобладали над государственными. В полной мере проявили себя властолюбие, амбициозность, эгоизм старшины [Смолій, 2009: 217]. Старшинская элита показала свою неспособность предоставить народу консолидирующие цели, постоянно игнорируя интересы народа и самого казачества ради собственной выгоды.

Руина — это сплошная череда гетманов, которые вскоре после утверждения царем Алексеем Михайловичем изменяли ему и начинали поиск покровителей среди ближайших соседей Гетманщины, и не только. Так же как и при Хмельницком, нормой становится одновременная подвластность нескольким иностранным правителям. Украинские историки называют подобного рода политику украинских гетманов поливассалитетом [Чухліб, 2005: 76]. Я же называю это проституированностью. И тогда, и сейчас руководство страны выступало и выступает в роли сутенеров, предлагая Украину то одним, то другим внешним игрокам.

Типичным представителем казацкой старшины со всеми ее «достоинствами» и пороками был Мазепа. Несмотря на внешнюю лояльность Петру, в душе он был русофобом. Очень точно характеризовал Мазепу известный историк XIX века Н. Костомаров: «Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи... Самое верное определение этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь. Он лгал перед всеми, всех обманывал — и поляков, и малороссиян, и царя, и Карла, всем готов был делать зло, как только представлялась ему возможность получить себе выгоду или вернуться из опасности» [Костомаров, 1992: 320]. Более точного определения современного (и не только) украинского истеблишмента трудно найти.

В конце XIX века появляется националистически настроенная украинская интеллигенция, в рамках которой уже тогда сформировался определенный архетип отношения к России и всему русскому, который сейчас доминирует среди современной украинской «элиты». Был сформирован идеализированный миф

украинского народа и казачества. Интересный момент. Почти все ведущие националисты того времени прямо или косвенно были связаны с Галицией или разделяли взгляды и идеи галицийского национализма, т. е. вся «зараза» шла оттуда, так же как и сейчас.

В ее среде впервые появляется лозунг: «Украина для украинцев». Пока хоть один «чужинец» останется на территории Украины, украинская интеллигенция не имеет права «сложить оружие». Доминирование Москвы над Киевом может быть устранено только победой. Необходимо приручить Москву, запрячь ее в украинскую государственную «телегу» [Український націоналізм, 2012]. Опять мы имеем поразительное сходство с менталитетом современной украинской «элиты».

Во время Гражданской войны (1917—1920 гг.) на Украине полностью воспроизвелся архетип, характерный для гражданской войны второй половины XVII века, — Руины. Так же, как и в тот период, руководство Центральной Рады не имело четкой программы строительства нового государства [Солдатенко: 872], не смогло справиться с проблемой формирования властной вертикали [Рент, 2016: 268].

Идея образования Центральной Рады принадлежала украинской интеллигенции. Из 118 ее членов не менее 100 были интеллигентами [Верстюк, Осташко, 1998: 14]. К тому же основные руководители Украинской Народной Республики были выходцами из сельской местности с архаической основой своего общественного сознания. Правительство состояло из журналистов, писателей, студентов, которые не имели никакого опыта государственного управления [там же: 90]. Следует отметить, что для украинской элиты исторически был характерен глубокий комплекс неполноценности.

В настоящее время по существу на Украине мы имеем третью Руину. Для более глубокого понимания нынешнего положения вещей полезной будет концепция этнического сознания [Кондорский, 2019b: 119]. В сознании человека можно выделить две основных составляющих — этническую и личностную. Этническое сознание формируется в детстве. В отличие от личностного сознания, которое может меняться в течение жизни, подвергаться критическому осмыслению, этническое сознание носит данный характер. Его нельзя изменить волевым путем. Можно только говорить о степени его активизации, когда в обществе происходит разделение на «свои-чужие» и начинает доминировать поиск внешних и внутренних врагов.

На Украине в течение последних тридцати лет мы наблюдаем резкую активизацию этнического сознания. Как результат — рецидивы радикального национализма, обусловленные подсознательной тоской по патриархальной культуре и ее «племенным ценностям» [Даренский, 2016: 48]. Традиционное этническое сознание обычно сохраняется в сельской местности.

Более 80 % политической и культурной элиты страны (включая четырех президентов) — выходцы из сельской местности. При этом сколько бы «университетов» ни заканчивали подобного рода деятели, в плане своего базового сознания они остаются «хлопцями з глухого сэла». Ющенко все пять лет своего президентского срока с упорством, достойным иного применения, пытался сделать из Украины «Большой хутор».

Еще со времен Хмельнитчины украинская элита отличалась русофобией, которая на рубеже XIX—XX веков приобрела уже патологические формы и в

современной Украине никуда не делась. Следует учесть, что за последние тридцать лет на Украине выросло поколение, которое забыло «веру отцов». При этом используются те же иезуитские методы воспитания, что и поляками в XVI—XVII веках. Сфера образования целиком и полностью находится под контролем галичан.

Казахстан и Киргизия. Активизацию этнического (кланового) сознания мы наблюдаем в постсоветский период и в государствах Центральной Азии. Особенно это касается Казахстана и Киргизии, имеющих кочевые исторические корни. В кочевой период клановая система сообщества для кочевников была жизненно необходимым условием существования в экстремальных условиях степи. Для менталитета кочевников было характерно почти полное отождествление и слияние своих личных, индивидуальных ценностей, стремлений и интересов с ценностями своего клана [Ерофеева, 1994: 42]. Следует отметить, что у кочевников феодализм носил исключительно внешний характер. Феодализм как система, имеющая потенциал развития, здесь так и не сформировался [Кондорский, 2019с: 68].

После получения независимости в рамках клановой структуры опять начинают играть определяющую роль родственные связи. Из властных структур произошло вымывание не только русских, но и городской русскоязычной интеллигенции. Так как основным требованием является знание казахского языка, то органы государственной власти стали заполняться выходцами из сельской местности [Борисова, 2002: 32]. Кстати, и в советский период партийно-государственная элита в основном рекрутировалась из сельских маргиналов. Подобного рода процесс наблюдался и на Украине в 1960—70-е годы.

Именно у выходцев из сельской местности клановость является органической частью этнического сознания, которая оказывает уже определяющее влияние на личностное сознание. В Казахстане в постсоветский период клан, клановые отношения, клановые структуры выступают как неформальный институт рекрутирования элит. Для носителей кланового сознания главное не личное «Я», а опора на себе подобных и их мнение. Поэтому, приходя во властные структуры, выходцы из сельской местности окружают себя земляками и родственниками [там же].

В Казахстане и Киргизии на уровне руководства страны клановость стала принимать уродливые формы «семейственности». Все это порождало и порождает коррупцию и дисбаланс в структуре элиты. Здесь руководство является заложником традиционалистской системы отношений, влияющих на их образ мышления и характер практических действий [Наумов, 2016: 40].

За последний век в Казахстане сменилось несколько типов общественно-политических систем, но политические элиты претерпели не столь глубокие трансформации. Советская партийно-хозяйственная элита явилась прямой преемницей байской родоплеменной аристократии. В современный период имеет место попытка существующей казахстанской элиты, которая оказалась во власти не в силу своей качественности и компетентности, а в силу приспособляемости и удачного стечения обстоятельств, связанных с ее клановым происхождением, преодолеть комплекс неполноценности [Агаев, 2012: 127].

Значимым следствием активизации традиционного сознания стали массовая мифологизация и национализация (этнизация) истории в центрально-азиатских государствах. Предпринимаются попытки сделать свою историю

максимально древней и застолбить свою автохтонность в Центральной Азии [Шнирельман, 2015: 226]. Кстати, все это в полной мере характерно и для украинского истэблшмента.

В опубликованной статье за 2018 год, исследуя закономерности и особенности, характерные для «цветных революций» на постсоветском пространстве, автор обратил внимание на определяющую роль, которую играет традиционный фактор в центрально-азиатских государствах (и не только), и сделал на этот счет небольшой прогноз: «И в Киргизии, и в Казахстане мы имеем рекрутирование элит на основе традиционных институтов. К сожалению, Назарбаев, сам того не ведая, заложил слишком много "мин", которые могут взорваться после его ухода с политической арены» [Кондорский, 2018: 96]. В январе 2022 года первая мина уже взорвалась.

Ближний Восток. Специфический характер имела феодальная революция в арабских странах. В Европе феодализм формировался на основе общин, полностью лишенных племенного сознания в сельской местности (в отличие от Аравии), затронув более 90 % населения. На Ближнем Востоке наблюдалась обратная картина. Ислам имел городские корни. К тому же феодальная революция здесь началась на 300—400 лет раньше, чем наиболее классическая феодальная революция в Западной Европе, т. е. носила инадаптивный характер, что предопределило низкий потенциал дальнейшего развития. На рубеже I тыс. социумы в арабских странах перешли в инерционный режим с сохранением племенной структуры и сознания в сельской местности.

В процессе Арабской весны произошла резкая активизация племенного сознания [Нечитайло, 2014: 25], что привело к политической сегментации Сомали, Ливии, Йемена, Сирии. Сохранение глубинной языческой основы, принявшей внешнюю форму строгого монотеизма, способствовало появлению радикального исламизма. Ислам плохо приживался в Аравии. Еще для начала XX века были характерны рецидивы языческого сознания [Васильев, 1999: 76—77]. И это в стране, где государственной религией является ваххабизм — наиболее ортодоксальное течение ислама.

Тропическая Африка. В Тропической Африке не было феодальной революции. Базовый архетип, соответствующий еще родоплеменному состоянию, никуда не делся. Западноевропейские страны в колониальный период ничего принципиально не изменили. Локальные архаические структуры институтов власти остались нетронутыми. Все это непосредственным образом сказалось на социально-политических и экономических процессах уже в постколониальный период.

Для африканских стран характерно устойчивое воспроизводство традиционных структур. Многие компоненты традиционной потестарно-политической культуры продолжают функционировать, особенно на низших уровнях управленческой системы. Многопартийность, парламентаризм и другие атрибуты буржуазного общества оказались лишь прикрытием трайбализма [Африка, 1994: 219].

Абсолютное большинство партий в Африке формируется не по политическому или идеологическому принципу, отражая интересы сложившихся социальных групп, а по этнорегиональному, как инструменту поддержки влияния того или иного лидера, представляющего обычно определенный этнос. По существу мы имеем не политическую борьбу партий, а соперничество за власть отдельных кланов и их лидеров [Сидорова, 2015: 395], которое часто принимает

форму вооруженных столкновений. Вооруженные конфликты являются одной из наиболее сложных социально-политических проблем, интегрировавших в себе комплекс противоречий в африканском обществе. С 1980 года не менее 28 государств Тропической Африки в той или иной степени прошли через этапы вооруженного конфликта [Конфликты..., 2013: 14].

Первичные причины этих явлений нужно искать в глубине веков. В этнических конфликтах наблюдалось явное проявление архаического сознания. Многие участники войны искренне полагали, что боги и духи управляют ими в их действиях [Денисова, 2012: 46].

Гражданские войны обычно сопровождалась крайней жестокостью. В Бурунди гражданская милиция тутси, вооруженная мачете, дубинками и молотками, убивали даже женщин и детей [Садовская, 2013: 41]. Однако все эти зверства и массовые убийства гражданского населения нельзя объяснить с точки зрения современного сознания в плане мотивации. Для нас это геноцид, преступление, а для африканцев с позиций племенного сознания все это носило естественный, можно сказать, природный характер.

Россия. В Древней Руси не было феодализма как системы. Имели место процессы феодализации, так же как в Западной Европе в период Меровингов и Каролингов. Феодальная революция имела место во второй половине XIII века уже в рамках формирующегося Московского государства, почти на 300—400 лет позже, чем в Западной Европе.

Любая революция сопровождается устранением носителей «старого сознания». В данный период таковыми были городские общины как наследие Древней Руси. В конце XII — начале XIII века Русь как историческая система уже не имела никакой перспективы развития на основе существующего базиса. Для княжения Александра Невского и его сына Андрея были характерны регулярные репрессии по отношению к городским общинам при участии татар [Оловинцов, 2018: 197].

Наличие заметной преемственности с предыдущим периодом и относительно низкий потенциал развития в конечном итоге привели к глубокому кризису Смутного времени. В последующие сто лет Россия находилась в состоянии инерционного развития. Нужен был прорыв, который попытался совершить Петр.

Историки приписывают Петру много достижений. Мы считаем, что помимо создания современной (по меркам того времени) армии, несомненным достижением Петра можно считать создание устойчивой политической системы государственного управления, которая, несмотря на низкий уровень компетентности Екатерины I, Петра II, Анны Иоановны, выдержала испытание на прочность и показала свою несомненную эффективность.

Мы считаем, что главным минусом внешней политики Петра стало «полноправное» вхождение России в систему европейского равновесия, не соответствующее коренным национальным интересам страны. Все это имело далеко идущие последствия не самого положительного характера в течение трехсот лет. Петр по существу создал имперскую систему временного типа, архетип и объективные законы которой просуществовали и в советский, и в постсоветский периоды.

Возьмем для примера внешнюю торговлю в начале XVIII века. В Россию ввозились в основном предметы роскоши, которыми не пользовался простой

народ. В обмен Россия поставляла на Запад весьма дефицитные для них товары — пеньку, лен, парусину, дешевое, но качественное железо. Торговля такого рода была очень выгодна «друзьям» Петра — голландским и английским купцам, но не России [Покровский, 1947: 105]. Не правда ли, это напоминает нечто современное?

Активное участие России в европейских разборках XVIII—XIX веков не принесло стране никаких заметных дивидендов. Царство Польское, полученное за победу над Наполеоном, все сто лет представляло собой «инородное тело» в составе империи. Это относится и к русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Берлинский конгресс остался позорной страницей русской дипломатии. На нем великие западноевропейские государства, в первую очередь в лице Великобритании, указали на то место, которое должна занимать Россия в Европе — «на подстилке в прихожей».

Так называемые европейские союзники, начиная с Августа Сильного, при каждом удобном случае старались навредить России. Во время Венского конгресса Англия, Австрия и Франция заключили секретный трактат о союзе против России. Каждый из трех союзников обязался выставить армию в 150 тыс. человек. Александр I, после того как узнал об этом, был в шоке. Но чувство ненависти к Наполеону превысило в нем все остальное [Троицкий, 2005: 6—7]. Сходство с операцией «Немыслимое» просто поразительное. Кстати, в обоих случаях причиной был «польский вопрос».

Перед Первой мировой войной в своей записке Николаю II бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново убедительно показал, что даже победа над Германией не столько бы решила существующие проблемы, сколько создала новые [Оськин, 2014: 239]. Россия вступила в войну, не имея ясно очерченной цели. Она выполняла свои союзнические обязательства перед Францией [там же: 27].

Активность советской дипломатии в 1930-е годы имела корни, уходящие в петровскую эпоху. Результатом стал франко-советский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи, целью которых было поддержание европейского равновесия перед возрастающей агрессивностью Германии. Хотя, казалось бы, где Советский Союз, а где Чехословакия и тем более Франция?

В настоящее время у России появился реальный шанс наконец выйти из европейской системы равновесия, тем более, что она уже полностью деградировала вследствие полной утраты европейскими государствами своего суверенитета. В свое время Наполеон III предложил российскому послу снова вернуться в Азию, намекнув, что Россия не является европейской страной. Ну что, Азия так Азия. Есть надежда, что хоть здесь Россия, наконец, «вдохнет полной грудью».

Теория революционного периода. Одной из важнейших временных систем, позволяющих осмыслить многие аспекты современных политических процессов, является революционный период (РП). Революции Нового времени происходили в форме революционного периода как системы, имеющей свои внутренние законы. Конкретные революции следует рассматривать как проявление процессов в рамках РП. Обычная продолжительность революционного периода — около ста лет.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы: стран первой, второй и третьей генераций. К странам первой генерации можно отнести Нидерланды, Англию, Францию, США, где революционный период начался

ранее всего. В большинстве европейских стран как стран второй генерации, в частности Германии, Италии, Австрии, Венгрии и Японии, революционный период начался в середине XIX века и закончился после Второй мировой войны. В странах третьей генерации — России, Китае, Турции, Иране, балканских и латиноамериканских странах революционный период ограничился рамками XX века.

В революционный период все политические режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры. Диктатура позволила Советскому государству провести индустриализацию и победить фашистскую Германию. Попытки либерализации власти в революционный период, как правило, способствовали появлению классических диктатур. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в Испании в 1930-е годы.

Страны третьей генерации имеют свою специфику, особенно в экономической сфере. В них не было промышленных революций, была индустриализация под непосредственным руководством государства. В них отсутствовал капитализм как система, только капиталистический уклад. Уклад — это структура, которая, в отличие от системы, не имеет потенциала развития. В России это касается как царского периода, так и постсоветского.

В России как стране третьей генерации революционный период пришелся в основном на годы советской власти. Сформировался «советский» архетип политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. К тому же этот архетип нельзя изменить волевым путем, не разрушив при этом государства. Что мы имеем в настоящее время на Украине. В Китае это поняли еще в 1980—90-е годы, что и обусловило успешное развитие этой страны. В России доморощенные либералы попытались в 1990-е годы построить «новый дом» по западным лекалам. Это чуть не привело к распаду государства и необратимой деградации экономики. Если к настоящему времени в политической сфере руководство страны это осознало, то в экономической — пока недостаточно.

Страна может стать полноправным субъектом только после окончания революционного периода. Став реально после войны сверхдержавой, Советский Союз, согласно законам революционного периода (в котором он находился), не мог быть таковым. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению с государствами, где революционный период уже закончился, т. е. по сравнению с Западом.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI века стало то, что страны третьей генерации, став субъектами геополитического пространства, естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало отрицательную реакцию со стороны западных стран. По этому поводу автор еще пять лет назад сделал прогноз на основе закономерностей теории революционного периода, который, как показывает история, полностью подтвердился. Его смысл может быть сведен к следующему. Сейчас идет передел геополитического пространства и зон влияния, с одной стороны, между старыми (западными странами) и новыми субъектами, а с другой — между самими новыми субъектами геополитического пространства. (С этой точки зрения конфликт между Турцией и Россией стал неизбежен, так как у них слишком много

точек противоречий и на Ближнем Востоке, и в Закавказье.) При этом следует иметь в виду, что если с «коллегами» по странам третьей генерации можно договориться (что и произошло у России с Турцией) и найти общий язык, то со странами первой и второй генераций противоречия носят антагонистический характер.

Библиографический список / References

- Агаев Г. Ш. Прошлое, настоящее и будущее клановых сообществ Казахстана // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 126—128.
(Agaev G. Sh. Past, present and future of clan communities in Kazakhstan, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences*, 2012, no. 5, pp. 126—128. — In Russ.)
- Африка: культура и общество. Традиции и современность / под ред. Р. Н. Исмагиловой. М.: ИА РАН, 1994. 383 с.
(Ismagilova R. N. (ed.) *Africa: culture and society. Traditions and Modernity*, Moscow, 1994, 383 p. — In Russ.)
- Борисова Е. А. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 28—47.
(Borisova E. A. The role of informal institutions in the management of Kazakhstan, *Bulletin of Eurasia*, 2002, no. 1 (16), pp. 28—47. — In Russ.)
- Боровкова Л. А. Материалы о политике Мин в конце XIV в. по вопросу о социальной организации деревни // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 116—133.
(Borovkova L. A. Materials on Ming politics at the end of the 14th century. on the issue of the social organization of the village, in Iliushechkin V. P. (ed.) *Social and socio-economic history of China*, Moscow, 1979, pp. 116—133. — In Russ.)
- Буров В. Г. В Китае возрождается культ Конфуция // Азия и Африка сегодня. 2011. № 4. С. 8—14.
(Burov V. G. The cult of Confucius is being revived in China, *Asia and Africa today*, 2011, no. 4, pp. 8—14. — In Russ.)
- Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 — конец XX в.). М.: Классика Плюс, 1999. 672 с.
(Vasiliev A. M. *History of Saudi Arabia (1745 — the end of the 20th century)*, Moscow, 1999, 672 p. — In Russ.)
- Верстюк В., Осташко Д. Дітячі Української Центральної ради. Київ: ПУ НАНУ, 1998. 254 с.
(Verstyuk V., Ostashko D. *Children of the Ukrainian Central Rada*, Kiev, 1998, 254 p. — In Ukr.)
- Горобець В. «Чорна рада» 1663 року. Передумови, результати, наслідки. Київ: ПУ НАНУ, 2013. 200 с.
(Gorobets V. *"Chorna glad" 1663 year. Change your mind, results, consequences*, Kiev, 2013, 200 p. — In Ukr.)
- Даренский В. Ю. Причины феномена массового национализма на современной Украине // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 39—52.
(Darensky V. Yu. Causes of the Phenomenon of Mass Nationalism in Modern Ukraine, *Svobodnaya Mysl*, 2016, no. 5, pp. 39—52. — In Russ.)

- Дворниченко А. Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 1995. С. 294—318.
(Dvornichenko A. Yu. On the problem of East Slavic politogenesis, in Popov V. A. (ed.) *Early forms of political organization: from primitiveness to statehood*, Moscow, 1995, pp. 294—318. — In Russ.)
- Денисова Т. С. Африканские конфликты и религиозные ритуалы (на примере гражданских войн в Либерии) // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 45—52.
(Denisova T. S. African conflicts and religious rituals (on the example of civil wars in Liberia), *Asia and Africa today*, 2012, no. 10, pp. 45—52. — In Russ.)
- Ерофеева И. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 334 с.
(Erofeeva I. Khan Abulhair: commander, ruler and politician, Almaty, 1999, 334 p. — In Russ.)
- Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2013. 635 с.
(Kissinger H. *About China*, Moscow, 2013, 635 p. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. «Революции» после революций («цветные революции» с позиций теории революционного периода) // История и современность. 2018. № 4. С. 88—107.
(Kondorsky B. M. "Revolutions" after revolutions ("color revolutions" from the standpoint of the theory of the revolutionary period), *History and Modernity*, 2018, no. 4, pp. 88—107. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» // Проблемы Дальнего Востока. 2019а. № 2. С. 21—28.
(Kondorsky B. M. Historical-economic and political-ideological background of the Chinese project "Economic Belt of the Silk Road", *Problems of the Far East*, 2019, no. 2, pp. 21—28. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019b. № 3. С. 112—131.
(Kondorsky B. M. Relapses of archaic social institutions within the political regimes of post-Soviet states, *History and Modernity*, 2019, no. 3, pp. 112—131. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Роль этнического (традиционного) фактора в формировании общественно-правового сознания в государствах Центральной Азии // Евразия: государство и право. 2019с. № 12. С. 61—80.
(Kondorsky B. M. The role of the ethnic (traditional) factor in the formation of social and legal consciousness in the states of Central Asia, *Eurasia: state and law*, 2019, no. 12, pp. 61—80. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. К вопросу об истории государственности Украины // История и современность. 2021. № 1. С. 54—81.
(Kondorsky B. M. On the issue of the history of the statehood of Ukraine, *History and Modernity*, 2021, no. 1, pp. 54—81. — In Russ.)
- Кондрашева Л. И. Китай на пути к национальной модели демократии // Китай: поиск гармонии. М.: ИД «Форум», 2009. С. 159—177.
(Kondrasheva L. I. China on the way to a national model of democracy, in *China: the search for harmony*, Moscow, 2009, pp. 159—177. — In Russ.)
- Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования / под ред. И. О. Абрамовой. М.: ИА РАН, 2013. 459 с.

(Abramova I. O. (ed.) *Conflicts in Africa: causes, genesis and problems of settlement*, Moscow, 2013, 459 p. — In Russ.)

Костомаров Н. И. Мазепа. М.: Республика, 1992. 335 с.
(Kostomarov N. I. *Mazepa*, Moscow, 1992, 335 p. — In Russ.)

Ломанов А. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8—18.
(Lomanov A. New concepts of Chinese foreign policy, *Asia and Africa today*, 2017, no. 12, pp. 8—18. — In Russ.)

Наумов А. О. «Цветные революции» как угроза государственному суверенитету. Опыт Кыргызстана // Мировая политика. 2016. № 2. С. 36—45.
(Naumov A. O. "Color revolutions" as a threat to state sovereignty. Experience of Kyrgyzstan, *World Politics*, 2016, no. 2, pp. 36—45. — In Russ.)

Нечитайло Д. А. «Аль-Каида» и «Арабская весна» // Азия и Африка сегодня. 2014. № 1. С. 22—26.
(Nechitailo D. A. Al-Qaeda and the Arab Spring, *Asia and Africa Today*, 2014, no. 1, pp. 22—26. — In Russ.)

Оловинцов А. Статус Руси в XII—XVI веках. Тюрки или монголы? Иго или противостояние? М.: Алгоритм, 2018. 432 с.
(Olovintsov A. *Status of Russia in the XII—XVI centuries. Turks or Mongols? Yoke or confrontation?*, Moscow, 2018, 432 p. — In Russ.)

Оськин М. В. История Первой мировой войны. М.: Вече, 2014. 496 с.
(Oskin M. V. *History of the First World War*, Moscow, 2014, 496 p. — In Russ.)

Покровский С. А. Внешняя торговая и внешняя торговая политика России. М.: Международная книга, 1947. 403 с.
(Pokrovsky S. A. *Foreign trade and foreign trade policy of Russia*, Moscow, 1947, 403 p. — In Russ.)

Реєнт О. П. Українські визвольні змагання 1917—1921 років. Київ: Арії, 2016. 280 с.
(Reent O. P. *Ukrainian liberation competitions of 1917—1921*, Kiev, 2016, 280 p. — In Ukr.)

Садовская Л. М. Бурунди: итог международного противостояния // Азия и Африка сегодня. 2013. № 2. С. 40—45.
(Sadovskaya L. M. Burundi: total international confrontation, *Asia and Africa today*, 2013, no. 2, pp. 40—45. — In Russ.)

Сидорова Г. М. Африка: война идей и война людей в зеркале Демократической Республики Конго. М.: Восточная литература, 2015. 527 с.
(Sidorova G. M. *Africa: the war of ideas and the war of people in the mirror of the Democratic Republic of the Congo*, Moscow, 2015, 527 p. — In Russ.)

Смолий В. А., Степанков В. С. Українська національна революція XVII ст. (1648—1676 рр.). Київ: ВД «Києво-Могилянська академія, 2009. 447 с.
(Smoliy V. A., Stepankov V. S. *The Ukrainian national revolution of the 17th century (1648—1676)*, Kiev, 2009, 447 p. — In Ukr.)

Смолий В. А., Степанков В. С. Институт власти в политической системе Украины. Київ: ІНУ НАНУ, 2014. 244 с.
(Smoliy V. A., Stepankov V. S. *Institution of power in the political system of Ukraine*, Kiev, 2014, 244 p. — In Ukr.)

Солдатенко В. Ф. Українська революція. Історичний нарис. Київ: Либідь, 1999. 976 с.

(Soldatenko V. F. *The Ukrainian revolution. Historical essay*, Kiev, 1999, 976 p. — In Ukr.)

Титаренко М., Ломанов А. Становление Китая как великой державы. Политические и культурные аспекты стратегии // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 17—28.

(Titarenko M., Lomanov A. Formation of China as a great power. Political and cultural aspects of the strategy, *Problems of the Far East*, 2015, no. 3, pp. 17—28. — In Russ.)

Троицкий Н. А. Александр I и Венский конгресс // Известия Саратовского государственного университета. Серия: История. Право. Международные отношения. 2005. Вып. 1—2. С. 3—12.

(Troitsky N. A. Alexander I and the Congress of Vienna, *Bulletin of the Saratov State University. Series: History. Law. International relationships*, 2005, iss. 1—2, pp. 3—12. — In Russ.)

Український націоналізм. Антологія / ред. В. Рог. Київ: УВС, 2012. 384 с.

(Rog V. (ed.) *Ukrainian nationalism. Anthology*, Kiev, 2012, 384 p. — In Ukr.)

Фицджеральд Ч. П. История Китая. М.: Центрполиграф, 2005. 458 с.

(Fitzgerald C. P. *History of China*, Moscow, 2005, 458 p. — In Russ.)

Чухліб Т. В. Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648—1714 рр. Київ: Арістей, 2005. 640 с.

(Chukhlib T. V. *Hetmans and monarchs. The Ukrainian state in international relations 1648—1714*, Kiev, 2005, 640 p. — In Ukr.)

Шнирельман В. Арийский миф в современном мире: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2015. Т. 2. 536 с.

(Shnirelman V. *Aryan myth in the modern world: in 2 vols*, Moscow, 2015, vol. 2, 536 p. — In Russ.)

Яковлева Т. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття: причини і початок. Київ: Основа, 1998. 447 с.

(Yakovleva T. *Hetmanship in the second half of the 50s of the 17th century: reasons and beginnings*, Kiev, 1998, 447 p. — In Ukr.)

Яковлева Т. Руїна Гетьманщини: від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659—1667). Київ: Основа, 2003. 643 с.

(Yakovleva T. *Ruin of the Hetmanship: from the Pereyaslav Council-2 to the Andrusiv Agreement (1659—1667)*. Kiev, 2003, 643 p. — In Ukr.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Кондорский Борис Михайлович — кандидат биологических наук, независимый исследователь, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, bmkbox@mail.ru

Kondorsky Boris Mikhailovich — Candidate of Sciences (Biology), independent researcher, Donetsk, Donetsk People's Republic, bmkbox@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ноосферные исследования», выходящий четыре раза в год, публикует оригинальные статьи в области гуманитаристики, а также материалы, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии, психологии, образования (обзоры, хронику научной жизни, рецензии). Рекомендуемый объем научной статьи 20—40 тыс. знаков с пробелами; объем обзора, хроники, рецензии 10—20 тыс. знаков). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Редакция принимает к рассмотрению ранее не публиковавшиеся материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. Все присланные материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Материалы принимаются **только в электронном виде** по адресу posnoos@ivanovo.ac.ru или smirnovdg@ivanovo.ac.ru главному редактору журнала Смирнову Дмитрию Григорьевичу в формате RTF. Для аспирантов и соискателей необходим отзыв научного руководителя / консультанта (отсканированный вариант с подписью и с печатью). Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля: верхнее — 2,7 см, левое и правое — 4 см, нижнее — 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Присылаемый материал должен содержать следующий контент:

текст статьи, где приводятся фамилия, инициалы автора, название (на русском и английском языках); аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк) и ключевые слова (не более 10) последовательно на русском и английском языках (английская аннотация должна быть содержательнее и объемнее русскоязычного аналога); текст материала и библиографический список (в выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения)¹;

приложение, которое содержит сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта); фамилию, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя), ученую степень и ученое звание, место работы и должность в транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США.

Библиографический список / References формируется по алфавитному принципу, без нумерации. Шрифт Times New Roman 10. Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества

---

¹ Дополнительные рекомендации: для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание (разбивка не допускается); переносы только автоматические; сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически; между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел); при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”; необходимо соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса); для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире); все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения². В References *включаются*: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы. Основные правила таковы:

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: — In Russ. (Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.)

Ссылки на библиографический список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (или авторов через запятую), далее (если у автора более, чем одна работа) год издания работы и, после двоеточия, страница. Например, [Вернадский] или [Смирнов 2003] или [Флоренский: 205].

Все рукописи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя / консультанта. О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте³. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций. Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну

² Примеры оформления: **монография**: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.); **статья в журнале**: Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64. (Smirnov G. S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64); **статья в сборнике**: Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 199—215. (Florensky P. A. Temple action as a synthesis of arts, in Florensky P. A. *Selected Works on Art*, Moscow, 1996, pp. 199—215. — In Russ.)

³ При наличии отрицательной рецензии рукопись отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Не допускаются к публикации в научном журнале статьи: содержащие ранее опубликованный материал; содержащие недобросовестные заимствования; представленные без соблюдения правил оформления; авторы которых отказываются от технической доработки публикации; авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их; представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования, оригинальность постановки и решения проблемы, значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи⁴. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются размером портфеля журнала, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев. Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля. Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.

Для авторов: авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе; подтверждают, что материалы публикуются впервые, не представлены в другие журналы, не содержат плагиат; все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, указаны как соавторы. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана соответствующая ссылка.

Для редколлегии: журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики; редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов; неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов); если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента: рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументировано выражать свое мнение; рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента; рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

---

⁴ Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

На обложке:
интернет-версия картины Павла Николаевича Филонова
«Человек в мире», 1925
https://artchive.ru/pavelfilonov/works/15252~Chelovek_v_mire

Электронное издание

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал

2022. Вып. 3

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректор *В. А. Киселева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата выхода в свет 30.09.2022 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 6,5.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ISSN 2307-1966

NOOSPHERIC STUDIES

ELECTRONIC PERIODICAL EDITION

2022

3

TOPIC OF THE ISSUE
LANGUAGES
FOR CONSCIOUS DESCRIBING